

Уральский юридический институт МВД России

БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА, ОБЩЕСТВА И ЛИЧНОСТИ В НОРМАХ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА

*Сборник материалов Международной
научно-практической конференции*

ЭЛЕКТРОННОЕ ИЗДАНИЕ

2025

**Федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»**

Кафедра гражданско-правовых дисциплин

**БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА,
ОБЩЕСТВА И ЛИЧНОСТИ В НОРМАХ
ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА**

*Сборник материалов
Международной научно-практической конференции*

Электронное издание

**Екатеринбург
2025**

ББК 67.404
Б201

Б201 **Баланс интересов государства, общества и личности в нормах
цивилистических отраслей права: сборник материалов Междуна-
родной научно-практической конференции** / под ред. И. С. Макеевой.
– Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2025.
– Электрон. дан. (1,31 Мб). – 1 электрон. опт. диск. – Систем. требова-
ния: процессор 300 МГц и выше, 512 Мб; CD/DVD-ROM; Microsoft
Windows XP и выше; Adobe Reader 9.

ISBN 978-5-907866-93-5

Редакционная коллегия:

И. С. Макеева, начальник кафедры гражданско-правовых
дисциплин УрЮИ МВД России, кандидат юридических наук, доцент;

С. Л. Дегтярев, профессор кафедры гражданско-правовых
дисциплин УрЮИ МВД России, доктор юридических наук, профессор;

А. В. Головизнин, доцент кафедры гражданско-правовых
дисциплин УрЮИ МВД России, кандидат юридических наук;

А. Р. Емалтынов, доцент кафедры гражданско-правовых
дисциплин УрЮИ МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Сборник содержит подборку научных статей, подготовленных по материалам Международной научно-практической конференции «Баланс интересов государства, общества и личности в нормах цивилистических отраслей права», состоявшейся в Уральском юридическом институте МВД России 30 мая 2025 года, посвященных вопросам гражданского, предпринимательского, трудового, экологического, семейного права и экономической безопасности.

Рассмотрен на заседании кафедры гражданско-правовых дисциплин УрЮИ МВД России (протокол № 5 от 9 апреля 2025 г.).

ISBN 978-5-907866-93-5

67.404

© Коллектив авторов, 2025

© Уральский юридический
институт МВД России, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Баланс интересов государства, общества и личности в нормах цивилистических отраслей права», организованной и проведенной кафедрой гражданско-правовых дисциплин Уральского юридического института МВД России, включает научные статьи, посвященные актуальным проблемам гражданско-правовых отношений на современном этапе социально-экономического развития.

В мероприятии приняли участие сотрудники и работники Уральского юридического института МВД России, с докладами выступили представители профильных кафедр Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Волгоградской академии МВД России, Омской академии МВД России, Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, Ростовского юридического института МВД России, Уфимского юридического института МВД России, Восточно-Сибирского юридического института МВД России, Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, Уральского института ГПС МЧС России, Уральского государственного экономического университета, Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, Международного банковского института имени Анатолия Собчака, Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева, Нижегородской академии МВД России, Ростовского государственного экономического университета.

В ходе проведения научно-представительского мероприятия обсуждались перспективы правового регулирования имущественных отношений, недвижимого имущества; вопросы реализации национальных проектов при осуществлении государственных закупок, а также общие проблемы гражданско-правовых отношений на современном этапе социально-экономического развития, в том числе в условиях внешнего давления.

Сборник материалов конференции предназначен для широкого круга читателей, интересующихся проблемами правовых и экономических аспектов в нормах цивилистических отраслей права.

БАТУРИНА НАТАЛИЯ ИГОРЕВНА,
*заместитель начальника кафедры гражданско-правовых
дисциплин Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail.ru: nataliya_baturina@mail.ru*

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

В статье рассматриваются положения гражданского законодательства, относящиеся к обязательственному праву, которые могут быть отнесены к гражданско-правовым механизмам противодействия коррупции. К таковым следует отнести нормы Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ), предусматривающие основания для запрещения дарения и соблюдение особых правил при заключении государственных или муниципальных контрактов.

Ключевые слова: запрещение дарения, подарок, государственный (муниципальный) служащий, государственный (муниципальный) контракт.

BATURINA NATALIA I.,
*Deputy Head of the Department of Civil Law Disciplines
Volograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor*

CIVIL LAW MECHANISMS FOR COMBATING CORRUPTION

The article examines the norms of civil legislation related to the law of obligations, which can be attributed to civil law mechanisms for combating corruption. These include the provisions of the Civil Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Civil Code of the Russian Federation), which provide grounds for prohibiting donations and observing special rules when concluding state or municipal contracts.

Keywords: prohibition of donations, gift, state (municipal) employee, state (municipal) contract.

Коррупция является одной из основных угроз государственной и общественной безопасности любого государства, для борьбы с которой разрабатываются и в последующем принимаются различные внутригосударственные нормативные правовые акты в совокупности с международными договорами по данной направленности. Среди основных законов, которые ориентированы на

профилактику и противодействие коррупции на территории Российской Федерации, бесспорно, является Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Согласно его положениям, к действиям, составляющим коррупционную направленность, относятся такие, как: злоупотребление служебным положением; дача взятки и ее получение; злоупотребление полномочиями; коммерческий подкуп; незаконное использование физическим лицом своего должностного положения в противовес с общественными и государственными интересами, направленное на получение выгоды, выражающейся в виде денег, ценностей, иного имущества, в том числе услуг имущественного характера и иных имущественных прав, как для себя, так и для третьих лиц или незаконное получение такой выгоды, осуществляемой со стороны других физических лиц. Перечисленные противоправные действия могут совершаться не только гражданами в интересах их самих или других граждан, но и в интересах юридического лица и от его имени. Преимущественно, совершение таких противоправных действий учиняется среди государственных и муниципальных служащих, искусно маскируя их под гражданско-правовые отношения, отдавая предпочтение нормам обязательственного права. Выбор такой ширмы не случаен, поскольку правонарушителя привлекает диспозитивный характер норм гражданского законодательства, что позволяет ему думать о безграничных пределах содержания того правоотношения, которое он имитирует. Вместе с тем ГК РФ как основной источник регулирования гражданских правоотношений состоит не только из норм дозволения, но и из норм, содержание которых предусматривает ограничение на совершение определенных действий, ориентированных законодателем для защиты основ конституционного строя Российской Федерации, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, в том числе обеспечения обороны страны и безопасности государства (абз. 2 п. 2 ст. 1 ГК РФ). Исходя из сказанного, нормы ГК РФ могут быть использованы в качестве механизмов, направленных на противодействие коррупции. В качестве таковых могут быть приведены положения гражданского законодательства, регулирующие договорные отношения, а именно ст. 575 ГК РФ, содержание ко-

торой предусматривает основания, влекущие запрещение дарения. С одной стороны, при нарушении установленных правил наступают последствия гражданско-правового характера, с другой, – имеющийся запрет предупреждает совершение действий коррупционной направленности. Основанием для запрета дарения является совокупность трех составляющих, а именно: стоимость подарка, который не должен превышать три тысячи рублей, принадлежность одаряемого лица к определенной категории и даритель, находящийся в прямой или косвенной зависимости от действий (бездействий) одаряемого. К одаряемому лицу законодатель относит работников образовательных и медицинских организаций, а также тех организаций, которые оказывают социальные услуги и в которых содержатся дети сироты, оставшиеся без попечения родителей. Продолжают перечень лиц, в отношении которых установлен запрет дарения – те, кто замещает государственные должности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальные должности, являются государственными и муниципальными служащими, служащими Банка России. Кроме перечисленных категорий физических лиц, упомянутая статья распространяет свое действие и на юридических лиц, осуществляющих коммерческую деятельность.

Запрещение дарения на законодательном уровне между перечисленными категориями физических лиц обусловлено тем, что в силу занимаемой должности лицо при выполнении своих обязанностей и принятии решений в рамках своей компетенции, должно действовать исключительно в соответствии с законом, «...недопустимо считать правомерным поощрение любыми подарками (даже незначительной стоимости) должностных лиц в связи с осуществлением ими своих должностных обязанностей при оказании государственной услуги – вне зависимости от того, осуществлены ли они в соответствии с законом или с нарушением закона» [1, с. 47–54]. Вместе с тем следует отметить, что закон не запрещает обозначенным лицам быть участниками договорных отношений, направленных на передачу имущества в дар. Однако следует учитывать, что законность данных отношений существует только лишь в тех случаях, когда даритель на момент заключения такого договора не находится в служебных от-

ношениях с одаряемым и (или) у него отсутствует интерес в получении различных благ от него за счет подарка. Недопустимость заключения договора дарения между коммерческими лицами направлена на осуществление «здоровых» экономических отношений и соблюдение установленных законом требований в части касающейся специфики такого субъектного состава контрагентов, а именно – «безвозмездные имущественные отношения между организациями, само осуществление которых порождено целью извлечения прибыли, как правило, ненормальны и могут использоваться в ущерб интересам их кредиторов и государства» [2, с. 364].

Еще одним из механизмов гражданско-правового характера, противостоящего совершению действий коррупционной направленности, являются положения ГК РФ, регулирующие заключение договоров, направленные на удовлетворение государственных и муниципальных нужд. При вовлечении публично-правовых образований в такие отношения на законодательном уровне предусматриваются особые правила порядка заключения государственных или муниципальных контрактов, поскольку их предназначение ориентировано на удовлетворение социальных нужд. В ГК РФ в качестве поименованных договоров, предусматривающих одной из сторон обозначенных субъектов, закреплены договор на поставку товаров для государственных или муниципальных нужд и договор на выполнение подрядных работ для государственных или муниципальных нужд, в том числе выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ.

При заключении такого рода договоров в целях предотвращения действий коррупционной направленности недопустим конфликт интересов, проявляющийся в личной заинтересованности государственного (муниципального) служащего с тем лицом, с которым планируется заключить государственный (муниципальный) контракт. Несмотря на принцип свободы договора, в качестве контрагента не могут быть привлечены близкие родственники или свойственники государственного (муниципального) служащего или иные лица, которые находятся в прямой или косвенной зависимости с ним, поскольку участие таких

лиц не позволит принять объективное решение по определению поставщика (подрядчика, исполнителя) при осуществлении государственных (муниципальных) закупок. Кроме того, при заключении договоров, целью которых является удовлетворение публичных интересов, необходимо для достижения таких целей учитывать правило по эффективному и рациональному расходованию бюджетных средств. Для соблюдения указанных правил гражданское законодательство в качестве мер антикоррупционной направленности предусматривает особую процедуру для заключения договоров, в которых участвуют государственные или муниципальные заказчики (ст. ст. 527, 528, 529 ГК РФ).

Приведенные примеры наглядно свидетельствуют о том, что отдельные нормы гражданского законодательства могут быть рассмотрены как одни из механизмов, направленных на противодействие коррупции в Российской Федерации.

Список источников

1. Решняк М. Г., Слепо Г. Е., Стражевич Ю. Н. Место и роль гражданско-правовых механизмов в системе мер противодействия коррупции // Безопасность бизнеса. 2016. № 2 С. 47–54. URL: <https://login.consultant.ru/link/?red=doc&base=CJI&n=97219>.

2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. 4-е изд., стереотипное. М.: Статут, 2005. 797 с.

*БЕЛЕЦКИЙ ДАНИИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ,
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых
дисциплин Омской академии МВД России
E-mail: daniil_beletskiy@bk.ru*

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЦЕЛЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Автор, на основе судебной практики, приходит к заключению о необходимости совершенствования законодательства в целях противодействия коррупции и сглаживания ее последствий. Поднимаются некоторые проблемы и обозначаются возможные пути их решения.

Ключевые слова: противодействие коррупции, обращение в доход государства, сделка противная основам правопорядка и нравственности, взятка.

*BELETSKIY DANIIL A.,
Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines
Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

ON SOME PROBLEMS OF IMPROVING LEGISLATION FOR THE PURPOSE OF COMBATING CORRUPTION

The author, based on judicial practice, comes to the conclusion about the need to improve legislation in order to combat corruption and mitigate its consequences. Some problems are raised and possible ways to solve them are outlined.

Keywords: combating corruption, conversion to state revenue, transaction contrary to the principles of law and order and morality, bribe.

Как было отмечено Конституционным судом Российской Федерации, коррупция является одним из особо опасных явлений общественной жизни [1].

Условием развития правового государства является деятельность по предупреждению коррупционных правонарушений, минимизации их последствий для государства и общества, а также введение санкций к лицам, совершившим коррупционные правонарушения.

В целях борьбы с последствиями коррупционных правонарушений, а именно взяточничеством, прокуратура Российской Федерации использует такой способ борьбы с последствиями совершения коррупционного правонарушения,

как обращение в доход Российской Федерации всего полученного лицом в ходе совершения коррупционного правонарушения по правилам ст. 169 Гражданского кодекса РФ (далее по тексту – ГК РФ).

Вместе с тем Верховный суд Российской Федерации не поддержал такой подход, указав на существующий пробел в праве [2]. Так, Верховным судом РФ было акцентировано внимание на том обстоятельстве, что ст. 169 ГК РФ предусматривает для сделок, совершенных с целью заведомо противным основам нравственности и правопорядка, общее правило в виде признания их ничтожными и применения общих положений о реституции. **И лишь в случаях, предусмотренных законом**, все полученное по такой сделке может быть обращено в доход Российской Федерации. Однако на сегодняшний день такого закона попросту не существует.

Таким образом, перед нами встает вопрос о том, каким образом государство может обратить в свой доход те материальные ценности, которые были получены взяточполучателем в процессе совершения коррупционного правонарушения? Ведь необходимость такого обращения не вызывает сомнений.

Проведенный анализ возможных путей решения обозначенной нами проблемы позволяет прийти к выводу о двух возможных способах преодоления образовавшегося пробела.

Первый из них связан с внесением изменения в ст. 169 ГК РФ путем исключения из нее указания на то, что лишь в случаях, предусмотренных законом, суд может взыскать в доход РФ все полученное по антисоциальной сделке.

Вместе с тем к данной реформе следует подходить осторожно, поскольку нельзя недооценивать масштаб возможных последствий. Так, в частности, следует отметить, что действующим законодательством не регламентировано, какие сделки следует относить к совершенным с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности. Как было справедливо отмечено Н. В. Козловой и С. Ю. Филипповой, «для квалификации сделки как совершенной с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, необ-

ходимо определить содержание понятий «правопорядок» и «нравственность»» [3, с. 7].

При этом нельзя не согласиться с К. И. Скловским, считающим, что угроза дезорганизации гражданского оборота «исходит от любой нормы неопределенного содержания, поэтому и сами эти нормы являются крайне нежелательными и должны устраняться из законодательства» [4].

Соответственно, первоначально следует выработать единый подход в определении сделок, которые могут признаваться совершенными с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что проведение подобного реформирования ст. 169 ГК РФ является преждевременным.

Вторым способом преодоления обсуждаемой нами проблемы может стать принятие закона, регламентирующего порядок и основания обращения в доход всего полученного стороной антисоциальной сделки. Отметим, что отечественному законодательству известны такие законы, например, Федеральный закон «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [5]. Вместе с тем, как было отмечено М. К. Треушниковым: «К созданию и принятию любых законов необходимо подходить очень ответственно» [6]. Поэтому вопрос о содержании данного закона заслуживает отдельного, углубленного изучения.

Таким образом, на сегодняшний день существует явная необходимость совершенствования законодательства в целях противодействия коррупционным правонарушениям. Нами были обозначены лишь несколько существующих проблем в данной области, но и их, на наш взгляд, достаточно, чтобы показать остроту существующей проблемы.

Список источников

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда».

2. Определение Верховного суда РФ от 29.10.2024 по Делу №18-КГ24-248-К4.

3. Козлова Н. В., Филиппова С. Ю. Сделки, совершенные с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности: проблемы правовой квалификации // Законодательство. 2022. № 2.

4. Скловский К. И. Актуальные проблемы применения статьи 169 ГК РФ в судебной практике // Закон. 2007. № 5.

5. Федеральный закон «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» от 03.12.2012 № 230-ФЗ.

6. Интервью с М. К. Треушниковым, доктором юридических наук, профессором, заслуженным деятелем науки Российской Федерации, заведующим кафедрой гражданского процесса юридического факультета МГУ им. В. М. Ломоносова // Законодательство. 2013. № 11.

БЕЛУГИН КИРИЛЛ ВАСИЛЬЕВИЧ,
*магистрант Уральского государственного
экономического университета*
E-mail: kirill.belugin2017@yandex.ru

НАРУШЕНИЕ АВТОРСКИХ ПРАВ НА МАРКЕТПЛЕЙСАХ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ

Статья посвящена исследованию правовых проблем, связанных с нарушением авторских прав на маркетплейсах. В условиях стремительного роста электронной коммерции и многократного расширения использования онлайн-платформ для продаж возникает острая необходимость защиты интеллектуальной собственности авторов на подобного рода платформах. В статье рассматриваются основные виды нарушений, ответственность за такие правонарушения и правовые механизмы защиты авторских прав на товарных агрегаторах (маркетплейсах).

Ключевые слова: маркетплейсы, авторские права, нарушение, ответственность, защита, контрафакт.

BELUGIN KIRILL V.,
Undergraduate student of the Ural State Economical University

COPYRIGHT INFRINGEMENT ON TRADING PLATFORMS: LEGAL ASPECTS AND WAYS OF PROTECTION

The article is devoted to the study of legal problems related to copyright infringement on marketplaces. In the context of the rapid growth of e-commerce and the multiple expansion of the use of online sales platforms, there is an urgent need to protect the intellectual property of authors on such platforms. The article discusses the main types of violations, responsibility for such violations, and legal mechanisms for protecting copyrights on commodity aggregators (marketplaces).

Keywords: marketplaces, copyrights, infringement, liability, protection, counterfeit.

Развитие интернет-технологий, всеобъемлющая цифровизация вокруг нас и популяризация онлайн-торговли способствовали созданию маркетплейсов — цифровых платформ, связывающих продавцов, которые могут предлагать свои товары либо услуги и потребителей, готовых приобретать их в удобной форме на одной платформе. Согласно отчёту компании Data Insight от 3 мая 2024 года [1], в 2023 году объем рынка розничной интернет-торговли в России составил

7,8 трлн рублей и 5,03 млрд заказов соответственно, что на 44 % больше по сравнению с предыдущим годом. Это огромные цифры, и они продолжают расти, а пункты выдачи заказов (ПВЗ) есть практически в каждом населённом пункте страны.

Однако отечественные и не только представители цифровых рынков, такие как Wildberries, Ozon и многие другие, обладающие обширной аудиторией, помимо поддержки малого бизнеса и создания множества новых рабочих мест, также создают множественные правовые риски, в том числе связанные с нарушением интеллектуальных прав. Участвовавшие в последнее время нарушения авторских прав на маркетплейсах могут иметь самые различные формы – от продажи контрафактной продукции до использования произведений без согласия правообладателя. При этом сложности возникают не только в установлении субъекта, который должен подлежать ответственности за нарушения на платформе, но и в разработке эффективных механизмов защиты правообладателей от недобросовестных продавцов.

На данный момент можно выделить следующие виды нарушений авторских прав, чаще всего происходящих на маркетплейсах:

Продажа контрафактной продукции. Маркетплейсы зачастую становятся платформами для реализации товаров, нарушающих авторские права. Это может включать подделку брендовой продукции (например, точная копия обуви и одежды премиальных брендов) или незаконное копирование произведений, защищенных авторским правом. Использование изображений и описаний без разрешения. Продавцы могут использовать изображения, тексты, логотипы и другие элементы, защищенные авторским правом, для продвижения своих товаров без согласия правообладателя. Например, изображение логотипа социальной сети «TikTok» на детской продукции [2] с целью привлечения аудитории к покупке. Незаконное воспроизведение и распространение цифровых товаров. Нарушение касается цифровых продуктов, таких как книги, музыка, программное обеспечение и другое контентное наполнение, которые могут быть

нелегально распространены на платформе. Например, продажа пиратских копий операционной системы «Windows» под видом лицензий.

Все эти нарушения ведут к значительным убыткам правообладателей и могут подорвать доверие потребителей, которые не всегда способны определить оригинальность представленного перед ними товара и его качество.

Исходя из ч. 1 ст. 7.12 КоАП РФ, незаконное использование экземпляров произведений или фонограмм в целях извлечения дохода в случаях, если они являются контрафактными, и иные нарушения авторских и смежных прав в целях извлечения дохода влекут наложение административного штрафа:

- на граждан от 1500 до 2000 руб.;
- на должностных лиц от 10 000 до 20 000 руб.;
- на юридических лиц от 30 000 до 40 000 руб.

Кроме того, предусмотрена конфискация контрафактных экземпляров произведений и фонограмм, материалов и оборудования, используемых для их воспроизведения, и иных орудий совершения административного правонарушения.

При этом важно отметить, что маркетплейсы занимают промежуточное положение между продавцом и покупателем и являются товарным агрегатором, что затрудняет привлечение их к ответственности, в том числе за продажу неподлинных товаров, так как они являются лишь информационными посредниками, а не полноценными продавцами.

Согласно п. 1 ст. 1253.1 ГК РФ, информационный посредник это – лицо, осуществляющее передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети, в том числе в сети Интернет, лицо, предоставляющее возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием информационно-телекоммуникационной сети, лицо, предоставляющее возможность доступа к материалу в этой сети. Если на маркетплейсе (информационном посреднике) продается контрафактный товар, он точно так же, как и продавец, непосредственно добавивший данный товар на платформу, несет ответственность за нарушение интеллектуальных прав в информационно-

телекоммуникационной сети на общих основаниях при наличии вины с учетом особенностей, установленных пунктами 2 и 3 статьи 1253.1 ГК РФ.

Так, по смыслу п. 2,3 вышеназванной статьи владелец маркетплейса не несет ответственность за нарушение интеллектуальных прав, если докажет, что он не знал и не должен был знать о том, что использование соответствующих результатов интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации является неправомерным и своевременно принял необходимые и достаточные меры для прекращения нарушения интеллектуальных прав.

Исходя из определения владельца агрегатора, данного в преамбуле Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей», владельцем агрегатора может быть любая организация, независимо от её организационно-правовой формы, либо индивидуальный предприниматель, которые являются владельцами программы для электронных вычислительных машин и (или) владельцами сайта и (или) страницы сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Владелец агрегатора должен предоставить потребителю возможность одновременно ознакомиться с предложением продавца (исполнителя) о заключении договора купли-продажи товара (договора возмездного оказания услуг), заключить с продавцом (исполнителем) договор купли-продажи (договор возмездного оказания услуг), а также произвести предварительную оплату указанного товара (услуги) путем перевода денежных средств владельцу агрегатора в рамках применяемых форм безналичных расчетов в соответствии с пунктом 3 статьи 16.1 Закона № 2300-1 и Федеральным законом от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе».

По мнению И. В. Фадеевой, агрегатором признается сайт или интернет-страница, предоставляющая возможность одновременно ознакомиться с предложением о покупке товаров (услуг), заключить сделку с продавцом и оплатить покупку. Соответственно, маркетплейс, не соответствующий хотя бы одному из указанных критериев, не подпадает под действие вышеназванного закона [3].

Агрегаторы могут быть привлечены к административной ответственности за нарушение права потребителей, в том числе на получение необходимой и

достоверной информации о товаре (услуге). Такое нарушение может повлечь предупреждение или наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от 500 до 1 000 руб., на юридических лиц – от 5 000 до 10 000 руб. согласно ч. 1 ст. 14.8 КоАП РФ.

Стоит подчеркнуть, что всё вышеуказанное позволяет подобным площадкам минимально следить за тем, что продаётся на их сайте и получать прибыль с продажи контрафактных товаров. Кроме того, многие товарные агрегаторы сознательно не проверяют «оригинальность» товара при приёме в продажу и разбираются с поступающими претензиями правообладателей уже в процессе, когда и если они возникают. При этом владелец агрегатора ничем не рискует, ведь если дело и дойдет до выплаты компенсаций, то по заключённому между ним и продавцом договору продавец обязан будет компенсировать маркетплейсу все убытки — компенсации и штрафы, которые правообладатель взыщет с маркетплейса за нарушение его прав [4].

На фоне недавно происходивших событий в компании Wildberries, которая является одним из крупнейших представителей рынка маркетплейсов, и с учетом очень быстрого развития электронной коммерции в нашей стране, сложности правоприменения в сфере авторских прав, а также в других сферах при осуществлении деятельности на товарных агрегаторах особенно сильно бьют по правообладателям и конечному потребителю, а множественные дела о нарушениях авторских прав на цифровых рынках создают дополнительную судебную волокиту. В связи с чем возникает острая необходимость совершенствования законодательных норм путём редакции старых НПА или создания отдельных законопроектов, которые бы регулировали столь специфичный рынок электронной коммерции как маркетплейсы, и разработки эффективных досудебных механизмов защиты с учётом особенностей осуществления предпринимательской деятельности на различных электронных платформах.

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин также подчёркивает необходимость дополнительной правовой защиты интеллектуальной собственности. «Одновременно считаю целесообразным серьёзно укрепить

правовую защиту интеллектуальной собственности, сформировать привлекательные условия для регистрации патентов, причём на территории, разумеется, России. В этом направлении уже сделаны определённые шаги, но многие вопросы, к сожалению, ещё требуют эффективного решения и развития», – сказал Президент в своём выступлении на пленарном заседании XI форума общероссийской общественной организации «Деловая Россия» [5].

Список источников

1. Маркетинговое исследование. Интернет-торговля в России 2024. URL: https://datainsight.ru/eCommerce_2023.
2. Сумка детская через плечо «Тik Tok» с брелком «Пикачу». URL: <https://clck.ru/3Dim5g>.
3. Фадеева И. В. Недобросовестные маркетплейсы и товарные агрегаторы как субъекты административной ответственности / Вестник Московского университета МВД России. 2020 (4).
4. Договор для Продавцов товаров на Платформе Ozon. URL: <https://seller-edu.ozon.ru/contract-for-sellers/contract-goods/contract-for-sell-goods-on-ozon>.
5. Владимир Путин: целесообразно серьезно укрепить правовую защиту интеллектуальной собственности. URL: <https://rospatent.gov.ru/index.php/ru/news/presidentnews>.

*БЕЛЯЕВ АНДРЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ,
аспирант Международного банковского
института имени Анатолия Собчака*

ПРОБЛЕМЫ И НЕДОСТАТКИ ПАТЕНТНОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

В настоящее время патентное право имеет много проблем и недостатков в нашей стране. В статье отмечено, что основными недостатками патентного права являются определяемые Роспатентом ограниченность во времени и расплывчатость формулировок по поводу изобретателей того либо иного аспекта изобретения. Конечно же, эти проблемы должны быть решены как можно скорее. Только в таком случае можно говорить об успешности функционирования патентного права в нашей стране.

Ключевые слова: патент, право, изобретение, трудности.

*BELYAYEV ANDREY A.,
Postgraduate student
Anatoly Sobchak International Banking Institute*

PROBLEMS AND DISADVANTAGES OF PATENT LAW IN MODERN REALITIES

Currently, patent law in the modern world has many problems and disadvantages in our country. The article noted that the main disadvantages of patent law are the time limitation determined by Rospatent and the vagueness of the wording regarding the inventors of this or that aspect of the invention. Of course, these problems should be solved as soon as possible. In conclusion, it was noted that only in this case can we talk about the successful functioning of patent law in our country.

Keywords: patent, law, invention, difficulties.

В современных реалиях патентное право испытывает определенные трудности, связанные с юридическим оформлением изобретений либо юридическим оформлением неких нововведений к изобретениям определенного рода. Такие проблемы носят комплексный характер, чаще всего они вытекают друг из друга. Тем не менее, несмотря на такую очевидность, в настоящее время органами патентного права не были разработаны комплексные меры решения подобных проблем в нашей стране.

Именно такой факт определяет **актуальность** нашего исследования, **целью** которого является всестороннее изучение проблем и недостатков патентного права в современных реалиях.

Цель исследования определяет следующие **задачи**:

- 1) выявление объективно существующих проблем патентного права в нашей стране;
- 2) предложение методов решения существующих проблем.

Тема исследования привлекала внимание определенного количества ученых. Исследователь А. Р. Аюпова заметила: «Сейчас практически каждый день появляются новые и существенно модифицируются существующие изобретения. В связи с этим появляется необходимость в наличии развитых правовых механизмов по защите прав, связанных с созданием и использованием изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, то есть объектов интеллектуальной собственности, охраняемых патентом» [1]. Ученый С. А. Сеницын отмечал: «В мировой практике не сложилось единообразного регулирования патентных отношений» [2]. Как можно увидеть, такой факт дает потенциал к нечестным формулировкам по отношению к различным аспектам патентного права, что подчеркивали ряд исследователей [3; 4].

Объективно существующие проблемы патентного права в России заключаются в неоднозначности определяемой Роспатентом ограниченности во времени действия того либо иного патента и расплывчатости формулировок по поводу изобретателей. Чаще всего именно эти аспекты способны привести к судебным разбирательствам между участниками воплощения научного изобретения в дальнейшем.

Можно сказать, что расплывчатость в определении ограниченности во времени действия того либо иного патента представляет собой определенные трудности, так как:

1. *Расплывчатая роль изобретателей во времена действия определенного патента может служить поводом для обвинения в некоем социальном неравенстве отдельно взятых участников воплощения изобретения.* Чаще всего де-

ло доходит до суда в том случае, когда ученые пытаются выяснить, кто именно из них сделал большой вклад в то либо иное изобретение. Есть убеждение, что в законодательстве должна быть принята однозначная формулировка по поводу главного изобретателя для определенного изобретения и помощников изобретателя, которые сделали некий вклад в изобретение, но их вклад в изобретение носил второстепенный характер.

2. *Ограничения во времени действия определенного патента.* В таком случае многие авторы деятельности определенного патента пытаются доказать, что именно они внесли значительный вклад в изобретение, что именно они должны получать временные роялти во время действия того либо иного изобретения. Следовательно, как нетрудно догадаться, подобные дела также доходят до суда, итоги решения этих дел часто бывает достаточно болезненными для участников процесса.

3. *Наконец, расплывчатые формулировки в самом патенте на изобретение, бюрократические ошибки также порождают большую проблему в аспектах патентного права в современных реалиях.* В этом аспекте дело также чаще всего доходит до суда, ученые пытаются доказать, что в силу бюрократических ошибок их роль в изобретении была заведомо занижена.

Методы решения существующих проблем должны заключаться в более четком законодательном регулировании патентной деятельности. На местах должны сидеть настоящие профессионалы своего дела, которые не раз доказали важность своего вклада в аспекты патентного права. Успешно решенные дела касательно данного вопроса должны распространяться как некие положительные примеры для всех участников дискурса патентного права в будущем. Эти примеры не должны забываться.

Наконец, необходимо на законодательном уровне оптимизировать потенциал нашего государства по отношению к однозначным трактовкам патентного права, в законодательстве не должно быть никаких двусмысленностей по отношению к этому вопросу.

Методы решения существующих проблем должны подвергаться постоянной и непрерывной оптимизации, работа над предыдущими ошибками должна также вестись непрерывно.

В заключение хотелось бы отметить, что в этой статье были кратко рассмотрены проблемы и недостатки патентного права в современных реалиях нашего государства. Было отмечено, что основными проблемами являются расплывчатая роль изобретателей во времена действия определенного патента, ограничение во времени действия определенного патента и бюрократические ошибки, способные привести к самым негативным последствиям.

Среди методов решения подобных вопросов был предложен оптимальный подбор кадров, выставление примеров успешно решенных дел в контексте темы исследования и оптимизация патентного права на законодательном уровне. Если все эти меры будут предприняты в будущем, то мы имеем потенциал на значительное изменение ситуации в контексте оптимизации патентного права в современных реалиях в нашем государстве.

Список источников

1. Аюпова А. Р., Хабиров Н. Г. Некоторые проблемы российского патентного права // МНИЖ. 2016. № 11–1 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-rossiyskogo-patentnogo-prava> (дата обращения: 18.03.2025).
2. Сеницын С. А. Сравнительное патентное право: актуальные проблемы: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2022. 416 с
3. Медведева Е. И., Пахарь В. А. Ключевые проблемы патентного права в России // Прогрессивная экономика. 2024. № 10. С. 210–221.
4. Шмачкова К. Т., Меркуль С. Е. Проблемы российского патентного права // Молодой ученый. 2020. № 24 (314). С. 363–365. URL: <https://moluch.ru/archive/314/71729/> (дата обращения: 18.03.2025).

БОЯРСКИЙ ДАНИИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ,
*старший преподаватель кафедры гражданского права
Уральского государственного юридического университета
имени В. Ф. Яковлева,
доцент кафедры общих проблем частного права
Уральского филиала Исследовательского центра частного права
имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук
E-mail: dboyarski@mail.ru*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГРАЖДАНСКОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЗАЩИТЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

В статье рассматривается взаимодействие гражданско-правовой и административной ответственности за нарушение законодательства о защите персональных данных на примере дел, связанных с утечками данных пользователей цифровых сервисов. Аргументируется наличие взаимосвязанных элементов – общая функция ответственности, пересечение в предмете доказывания и основаниях ответственности, значимость административных актов для рассмотрения гражданского дела.

Ключевые слова: моральный вред, персональные данные, административная ответственность, гражданская ответственность, нематериальные блага.

BOYARSKIY DANIIL A.,
*Senior Lecturer, Department of Civil Law
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
Associate Professor, Department of General Problems of Private Law
Ural Branch, Research Center for Private Law named after
S. S. Alekseev under the President of the Russian Federation
Candidate of Legal Sciences*

INTERACTION OF CIVIL AND ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR VIOLATION OF LEGISLATION ON THE PROTECTION OF PERSONAL DATA

The article examines the interaction of civil and administrative liability for violation of legislation on the protection of personal data using the example of cases related to leaks of data from users of digital services. The existence of interrelated elements is argued - the general function of liability, the intersection in the subject of

proof and grounds for liability, the significance of administrative acts for the consideration of a civil case.

Keywords: moral damage, personal data, administrative liability, civil liability, intangible benefits.

По образному выражению А. И. Савельева, персональные данные в условиях цифровизации повседневной жизни «уже стали de facto объектом оборота и топливом для многих интернет-сервисов, мобильных приложений и цифровых продуктов» [1]. Персональные данные используются для идентификации граждан, а также приобретают экономическое свойство товара, становясь объектом имущественного оборота. Значимость персональных данных определяет повышенный интерес к ним со стороны различного рода злоумышленников в целях мошенничества, шантажа, незаконной рекламы и других противоправных действий.

Право на защиту персональных данных относится к числу личных нематериальных прав граждан, обеспечивающих автономию личности, обеспечивающих недопустимость вмешательства кого-либо в частную жизнь, защиту охраняемых законом тайн, защиту частной и личной жизни гражданина во всех ее проявлениях. Отсутствие прямого указания на персональные данные в главе 8 ГК РФ не имеет определяющего значения ввиду открытости перечня охраняемых законом нематериальных благ гражданина. Межотраслевое взаимодействие в вопросах ответственности является заметной тенденцией современной практики [2]. Особенностью защиты рассматриваемых общественных отношений, равно как и защиты нематериальных благ вообще, является сочетание частных (административных, уголовных) и публичных способов защиты.

Надлежащим способом защиты нематериальных благ гражданско-правовыми средствами является компенсация морального вреда. Административная ответственность за «утечки» персональных данных установлена ч. 1 ст. 13.11 КоАП РФ. Уголовная ответственность, в зависимости от объективной стороны, установлена ст. ст. 137 и 272 УК РФ.

Взаимодействие гражданской и административной ответственности может быть проиллюстрировано на примере рассмотрения судами дел о компенсации морального вреда за утечку персональных данных пользователей крупного сервиса доставки продуктов, произошедшей в марте 2022 года¹. В результате неправомерных действий третьих лиц в сети «Интернет» были выложены персональные данные пользователей – адреса, имена, номера телефонов, адреса электронной почты и др.

Основанием компенсации морального вреда послужило то, что в состав охраняемых законом нематериальных благ входит неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайная. Защита персональных данных призвана обеспечить недопустимость произвольного доступа к соответствующим сведениям. Гражданин вправе потребовать денежной компенсации морального вреда, если вред причинен действиями, нарушающими его личные неимущественные права, либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага (ст. 151 ГК РФ). Прямо компенсация морального вреда, причиненного субъекту персональных данных вследствие нарушения правил обработки персональных данных, а также требований к защите персональных данных, предусмотрена ч. 2 ст. 24 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Закон о персональных данных).

Рассмотрению дел о компенсации морального вреда предшествовало возбуждение уголовного дела и дела об административном правонарушении. Исходя из содержания судебных постановлений, по факту неправомерного доступа к персональным данным было возбуждено уголовное дело в отношении неустановленных лиц по признакам преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 137, ч. 3 ст. 272, ч. 2 ст. 273 УК РФ. Сервис доставки был признан потерпевшим по уголовному делу. Объективная сторона преступления выражается в том, что «неустановленные лица, используя технические устройства с доступом в ин-

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 01.08.2023 по делу № 33-25217/2023; Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 05.12.2023 по делу № 88-31153/2023; Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 22.05.2024 по делу № 88-11150/2024 и др.

формационно-телекоммуникационную сеть Интернет и компьютерные программы, заведомо предназначенные для несанкционированного копирования компьютерной информации и нейтрализации средств защиты компьютерной информации, совершили DDos-атаки на сервис ..., после чего в этот же день распространили в сети Интернет ... незаконно полученные сведения о частной жизни пользователей сервиса ... доступные неопределенному кругу лиц»¹. Постановлением мирового судьи сервис признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 13.11 КоАП РФ. Виновность оператора усмотрена в том, что сервис осуществляет свою деятельность с нарушением требований законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Утечка данных произошла «в результате недобросовестных действий» сотрудника сервиса.

Взаимосвязь гражданской и административной ответственности проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, административная и гражданская ответственность в общем преследуют цель защиты личности от противоправных посягательств. Именно обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, является заявленной целью Закона о персональных данных.

Во-вторых, во всех рассматриваемых делах обстоятельства, установленные постановлением о возбуждении уголовного дела и постановлением по делу об административном правонарушении, фактически были использованы в качестве преюдициальных. В науке процессуального права идея об «административной преюдиции» подвергается критике [3]. Вместе с тем пунктом 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении» по аналогии закона предписывается также определять значение вступившего в законную силу постановления и (или) решения судьи по делу об административном правонарушении при рассмотрении и разрешении судом дела о

¹ Цит. по: Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 05.12.2023 по делу № 88-31153/2023

гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесено это постановление (решение). Постановление о возбуждении уголовного дела свойством преюдициальности не обладает, однако может быть оценено судом в качестве одного из доказательств по гражданскому делу. Таким образом, указанные постановления, а также материалы проверок могут быть использованы судом для установления обстоятельств нарушения Закона о персональных данных.

В-третьих, в гражданском и административном судопроизводстве частично пересекаются обстоятельства, определяющие вину юридического лица, и обстоятельства, подлежащие учету при взыскании компенсации. В силу ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ юридическое лицо признается виновным, если у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению. Достаточным для компенсации морального вреда является сам факт нарушения прав гражданина как потребителя услуги. Моральный вред подлежит компенсации, независимо от формы вины причинителя вреда. Однако форма и степень вины принимаются во внимание при определении размера компенсации. Обстоятельства утечки данных, характер деятельности оператора, принятие мер по защите данных также подлежат учету при определении конкретного размера компенсации (пункты 22, 26, 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»).

В-четвертых, для каждого вида юридической ответственности характерна функция предупреждения правонарушений. В административном праве это достигается за счет ужесточения наказания, что наглядно иллюстрирует принятие Федерального закона от 30.11.2024 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», вступающего в силу с 30 мая 2025 года. Данный закон существенно повышает размеры штрафов за нарушение законодательства о персональных данных. По

справедливому утверждению Н. В. Витрука, наказание есть мера справедливого возмездия, которая одновременно преследует две дополнительные цели – общей и специальной превенции [4]. Ужесточение наказания должно усиливать «эффект общей и частной превенции, повысить уровень дисциплины в административно-правовой сфере» [5]. Характерной чертой гражданской ответственности является ее восстановительный (компенсационный) характер [6]. Вместе с тем данная особенность не исключает штрафную функцию ответственности, реализующуюся посредством возложения на нарушителя дополнительных обязанностей или лишения нарушителя определенного права. Некоторые исследователи аргументируют «полифункциональность» гражданско-правовой ответственности, поскольку таковая в действительности преследует не только цель компенсации, но и справедливое воздаяние и сдерживание противоправного поведения [7].

Список источников

1. Архипов С. В. Индивидуализация административного наказания юридических лиц // СПС «Консультант Плюс».
2. Богданов Д. Е., Богданова С. Г. Проблема полифункциональности гражданско-правовой ответственности: сравнительно-правовой аспект // Гражданское право. 2018. № 6. С. 32–35.
3. Боярский Д. А. Взаимодействие частного и публичного права во внедоговорных обязательствах из налоговых правоотношений // Гражданское право – любовь моя! Материалы Международного цивилистического симпозиума. Екатеринбург, 2024. С. 9–17.
4. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., испр. и доп. М.: НОРМА, 2009. 432 с.
5. Кархалев Д. Н. Механизм гражданско-правового регулирования охранительных отношений. М.: Инфотропик Медиа, 2022. 892 с.
6. Мацкевич П. Н. Преюдиция в гражданском и административном судопроизводстве // СПС «Консультант Плюс».
7. Савельев А. И. Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота персональных данных // Вестник гражданского права. 2021. № 4. С. 104–129.

БЫКОВА ЕЛЕНА ГЕОРГИЕВНА,
*доцент кафедры уголовного права, криминологии
и уголовного процесса
Екатеринбургского филиала Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации
имени А.Я. Сухарева,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: nega83-03@mail.ru*

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХИЩЕНИЕ ИМУЩЕСТВА ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА ЕГО ДИРЕКТОРА, ЯВЛЯЮЩЕГОСЯ ЕДИНСТВЕННЫМ УЧАСТНИКОМ (АКЦИОНЕРОМ)

В статье на основе положений гражданского законодательства и правовых позиций высших судебных органов РФ обосновывается, что действия единственного участника (акционера) хозяйственного общества, являющегося его руководителем, могут быть квалифицированы по ст. 160 Уголовного кодекса РФ.

Ключевые слова: хищение, учредитель, участник юридического лица, акционер, директор.

BYKOVA ELENA G.,
*Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Criminology and Criminal Procedure of the Yekaterinburg Branch
of the Sukharev Moscow academy
of the Investigative Committee of the Russian Federation,
PhD, associate professor*

ON THE POSSIBILITY OF BRINGING TO JUSTICE FOR EMBEZZLEMENT OF THE PROPERTY OF A BUSINESS COMPANY ITS DIRECTOR, WHO IS THE SOLE MEMBER (SHAREHOLDER)

Based on the provisions of civil legislation and the legal positions of the supreme judicial bodies of the Russian Federation, the article substantiates that the actions of the sole participant (shareholder) of a business company, who is its head, can be qualified under Article 160 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: embezzlement, founder, member of a legal entity, shareholder, director.

В теории уголовного права ведется дискуссия о возможности привлечения к уголовной ответственности учредителей (участников, акционеров) хозяйственного общества за противоправное изъятие имущества созданной ими организации. Этому вопросу уделяется внимание в научных работах Р. О. Долотова [1], П. С. Яни [2, с. 32] и других ученых.

Сложности квалификации таких действий обусловлены неразрешенной в теории гражданского права проблемой взаимосвязи юридического лица и его участников или акционеров, которую подробно рассматривает А. А. Кузнецов. При этом он высказывает мысль о единстве природы прав участников и акционеров [3]. Основываясь на данном постулате, следует рассмотреть наиболее сложный для уголовно-правовой оценки случай, когда изъятие имущества юридического лица производится его единственным участником (акционером), являющимся одновременно руководителем данной организации.

Общество с ограниченной ответственностью (ООО) или акционерное общество (АО) могут быть учреждены одним лицом (п. 2 ст. 88 ГК РФ, п. 6 ст. 98 ГК РФ, п. 2 ст. 7 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», п. 1 ст. 9 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»). В таком случае решения по вопросам, относящимся к компетенции общего собрания организации, в том числе о назначении себя единоличным исполнительным органом (далее – руководитель), принимаются ее единственным участником (акционером) единолично, оформляются письменно (ст. 39 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ, п. 3 ст. 47 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ).

С позиции Конституционного Суда РФ именно руководитель реализует права и обязанности юридического лица как участника гражданского оборота, включая полномочия собственника по владению, пользованию и распоряжению имуществом, от качества его работы зависят результаты деятельности организации, сохранности ее имущества, и даже само ее существование (Постановление Конституционного Суда РФ от 16.10.2018 № 37-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 281 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О. А. Третьяковой»).

Из вышеизложенного может быть сделан ошибочный вывод, что имущество ООО или АО принадлежит единственному учредителю этого хозяйственного общества. Но это неверно.

Во-первых, в гражданском законодательстве России не встречается словосочетание «собственник юридического лица», законодатель не позиционирует участника хозяйственного общества (даже если он единственный) как собственника организации, подчеркивая особую природу правоотношений между указанными субъектами права. Высшая судебная инстанция напоминает о необходимости соблюдения баланса интересов, подчеркивая наличие у участников корпораций как широкой свободы усмотрения при принятии (согласовании) деловых решений, так и запрета на причинение ими вреда независимым участникам оборота посредством недобросовестного использования института юридического лица (п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве»).

Во-вторых, в ст. 48, 49, 56 ГК РФ, ст. 2, 3 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ, п. 3 ст. 2, ст. 3 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ предусмотрено, что ООО или АО имеют в собственности обособленное, учитываемое на их самостоятельном балансе имущество, которым они отвечают по своим обязательствам. При этом в ст. 53, 531 ГК РФ, ст. 32, 44 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ, п. 1 ст. 71 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ установлена обязанность руководителя действовать в интересах представляемой им организации добросовестно и разумно.

В-третьих, по общему правилу правомерно получить имущество ООО или АО единственный участник или акционер могут в двух случаях: при выходе из ООО или АО (продажа долей, акций), при ликвидации организации. Кроме этого, единственный участник (акционер) хозяйственного общества имеет право на получение прибыли ООО или АО, однако юридическое лицо не вправе выплачивать прибыль его участникам (акционерам) в предусмотренных законом случаях, например, если на момент выплаты стоимость чистых активов

общества меньше его уставного капитала и резервного фонда или станет меньше их размера в результате выплаты. Гражданским законодательством России не предусмотрено право участника на получение прибыли организации за счет завладения ее имуществом.

В соответствии со ст. 40 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ, ст. 69 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ имущество ООО и АО введено их руководителям. В случаях противоправного безвозмездного изъятия имущества этих хозяйственных обществ руководители (являющиеся единственными участниками или акционерами) могут быть привлечены к ответственности по ст. 160 УК РФ за хищение в форме присвоения или растраты, совершенное лицом с использованием своего служебного положения¹ [8]. С позиции высших судебных органов руководитель несет самостоятельную обязанность действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно (п. 7 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»).

Вместе с тем следует согласиться с П. С. Яни [2, с. 32], что в случаях, когда при изъятии имущества хозяйственного общества единственным участником (акционером), являющимся его руководителем, не причиняется вред иным лицам, не имеющим отношения к управлению организацией (например, кредиторам, работникам), или самой организации, содеянное не следует оценивать как хищение.

Список источников

1. Долотов Р. О. Уголовная ответственность акционеров/участников хозяйственных обществ за хищение имущества своих компаний // Уголовное право. 2017. № 1. С. 60–66.

2. Яни П. С. Значение запрета злоупотребления правом участниками гражданского оборота для квалификации хищений // Законность. 2021. № 11. С. 29–35.

3. Кузнецов А. А. Переход доли в уставном капитале (акций): практические и теоретические проблемы (начало) // Вестник гражданского права. 2023. № 3. С. 62–98.

¹ Определение Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 70-Д12-13 // СПС «КонсультантПлюс».

БЫСТРОВА ЮЛИЯ ВИКТОРОВНА,
*заведующий кафедрой уголовного права и процесса Орловского
государственного университета имени И. С. Тургенева,
старший научный сотрудник Кабардино-Балкарского
государственного университета имени Х. М. Бербекова,
доктор юридических наук, доцент
E-mail: zukova57@mail.ru;*

БЫСТРОВА ЕКАТЕРИНА ЕВГЕНЬЕВНА,
*студент колледжа Среднерусского института управления –
филиала РАНХиГС при Президенте РФ
E-mail: KatrinSi62@mail.ru*

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДДЕРЖКИ ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Исследование судебных решений показывает, что ключевыми аспектами защиты социальных сирот выступают обеспечение жилищных условий, доступ к образованию и бесплатной юридической помощи. Статья анализирует трудности в осуществлении законных прав детей, лишенных родительской опеки, и формулирует стратегии преодоления этих барьеров. Представлены конкретные механизмы совершенствования системы социальной поддержки данной категории несовершеннолетних.

Ключевые слова: социальное сиротство, попечение родителей, социальная поддержка.

BYSTROVA YULIA V.,
*Head of the Department of Criminal Law and Procedure
at the I. S. Turgenev Oryol State University,
Senior Researcher at Kabardino-Balkarian
State University named after H. M. Berbekov,
Doctor of Law, Associate Professor;*

BYSTROVA EKATERINA E.,
*College student
The Central Russian Institute of Management, a branch
of the RANEPa under the President of the Russia*

PRIORITY AREAS OF SUPPORT FOR CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE

A study of court decisions shows that the key aspects of protecting social orphans are ensuring housing conditions, access to education and free legal aid. The ar-

ticle analyzes the difficulties in exercising the legal rights of children deprived of parental care and formulates strategies to overcome these barriers. Specific mechanisms for improving the social support system for this category of minors are presented.

Keywords: social orphanhood, parental care, social support.

В России актуальной остаётся проблема детского сиротства, и, несмотря на различные усилия, число детей, находящихся в детских учреждениях, по-прежнему остаётся высоким. Дети, лишённые родительской опеки, а также сироты, образуют крайне уязвимую категорию в обществе. Эти дети сталкиваются не только с недостатком личного внимания и заботы, но и с рядом социальных проблем, которые могут преследовать их на протяжении всей жизни. Так, вопросы депривации часто остаются с ними даже после 18 лет.

Дети, оставшиеся без попечения родителей, в юридической науке именуются социальными сиротами. На современном этапе развития общества решение проблем социального сиротства является одним из приоритетных направлений политики государства и в значительной мере определяет благополучие детского населения.

В практике правовой защиты несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, можно выделить три основополагающие проблемы:

- жилищное обеспечение;
- финансирование в сфере образования;
- доступ к бесплатным юридическим услугам.

Проанализируем подробнее каждую из вышеназванных проблем.

Жилищная проблема занимает первостепенное положение среди вызовов, с которыми сталкиваются дети без родительского попечения. Формирование эффективной системы гарантий прав несовершеннолетних представляет собой основной элемент правового фундамента социального государства. Особый приоритет в этой системе отдается детям-сиротам, детям без попечения родителей и лицам из их числа.

В рамках защиты жилищных и имущественных прав детей-сирот российское государство разработало комплексную нормативную базу. Эта категория

граждан получает специальную поддержку при решении жилищных вопросов, что является ключевой составляющей социальной политики страны.

Для предотвращения разночтений и конфликтных ситуаций необходима тщательная детализация регламента по предоставлению жилья детям-сиротам и их учету. К сожалению, необходимо констатировать тот факт, что суды регулярно рассматривают иски, связанные с неправомерным исключением таких детей из списков очередников, отказами во включении в эти списки и другими нарушениями их жилищных прав.

В области образовательных услуг для детей-сирот существует серьезная финансовая проблема. Законодательство не определяет, кто должен оплачивать услуги присмотра за детьми без родительской опеки в системе дошкольного образования.

Императивное положение п. 3 ст. 65 Закона об образовании гласит: «родительская плата не взимается» за присмотр и уход за определенными категориями детей [1]. Однако это создает пробел в регулировании – отсутствует четкое указание на источник финансирования обязательств по обеспечению присмотра за социальными сиротами.

Неопределенность в вопросе финансирования становится ключевым препятствием при организации дошкольного образования для детей, лишенных родительского попечения.

Доступ к бесплатным юридическим услугам представляет собой одну из ключевых трудностей для социальных сирот. Выпускники государственных учреждений часто сталкиваются с финансовыми ограничениями из-за отсутствия стабильного дохода, что затрудняет оплату необходимой правовой поддержки.

Несмотря на конституционные гарантии судебной защиты, закрепленные в статье 46 Основного закона России [2], реальная возможность детей без попечения родителей отстаивать свои интересы в суде существенно ограничена. Особенно проблематичным для данной категории граждан становится процесс обжалования судебных решений, что усугубляет их уязвимое положение в правовом поле.

Изучение положений федерального законодательства [2] в сфере предоставления безвозмездных правовых услуг приводит к заключению, что несовершеннолетние, лишенные родительского попечения, ограничены в возможности получить бесплатную консультацию адвоката по вопросам, выходящим за рамки их особого социального положения. Действующие нормативные акты о юридической помощи не предусматривают для социальных сирот доступа к безвозмездным адвокатским услугам в делах, не касающихся их специфического статуса.

Таким образом, выявленные проблемы, возникающие при реализации прав социальных сирот, свидетельствуют о несовершенстве государственной политики в отношении данной категории лиц. С другой стороны, достаточно небольшой круг проблем, возникающих в социальной защите детей, оставшихся без попечения родителей, свидетельствует о правильно выбранном векторе государственной политики, направленной на поддержку социальных сирот.

Список источников

1. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 28.02.2025) // СЗ РФ. 2012. № 53 (часть 1). Ст.7598; 2025. № 9. Ст. 859.

2. Конституция Российской Федерации: официальный текст // Российская газета. 1993. 25 дек. (№ 237); СЗ РФ. 2022.№ 41. Ст. 6933.

3. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 324–ФЗ (в ред. от 25.12 2023) // СЗ РФ. 28.11.2011. № 48. Ст. 6725; 01.01.2024. № 1 (часть I). Ст. 42.

ВАКУЛА ИВАН МИХАЙЛОВИЧ,
*профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Ростовского юридического института МВД России,
доктор философских наук, профессор,
E-mail: Imvakula@mail.ru;*

ПАРКОВСКАЯ МАРИЯ ИВАНОВНА,
*доцент кафедры процессуального права Ростовского
государственного экономического университета (РИНХ),
кандидат юридических наук, E-mail: Vakulamaria@rambler.ru*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫМИ РЕСУРСАМИ

В настоящее время земля является базисом жизнедеятельности общества, а также политической, экономической и производственной сфер, от нормального развития которых зависит в первую очередь функционирование экономики государства, что, в свою очередь, обеспечивает стабильность общественных отношений. В данной статье авторы рассматривают систему управления земельными ресурсами, целевое назначение земли, процесс управления земельными ресурсами. Авторы при анализе системы управления земельными ресурсами приходят к выводу о том, что она нуждается в основательном совершенствовании.

Ключевые слова: земля, управление земельными ресурсами, земельные правоотношения, законодательство, экономика.

VAKULA IVAN M.,
*professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines
of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
doctor of Philosophy, professor*

PARKOVSKAYA MARIA I.,
*associate Professor of the Department of Procedural Law Rostov
State University of Economics (RINH), Candidate of Law Sciences*

IMPROVING THE METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE ORGANIZATION OF LAND MANAGEMENT

Currently, land is the basis of the vital activity of society, as well as political, economic and industrial spheres, on the normal development of which depends primarily the functioning and normal development of the state economy, which in turn

results in the stability of social relations. In this article, the authors consider the land management system, the purpose of the land, and the process of land management. When analyzing the land management system, the authors conclude that it needs to be thoroughly improved.

Keywords: land, land resources management, land relations, legislation, economics.

Сегодня земля является особенно ценным ресурсом, который значительно отличается от других ресурсов и материальных объектов этого мира. На сегодняшний день земля играет важную роль в качестве основы жизни и деятельности народа, а также экономики государства. Именно поэтому важно уделять особое внимание защите прав на землю. Устойчивое развитие данного института обеспечит стабильность в экономическом и социальном развитии общества и государства. Однако такого результата в современном мире добиться очень трудно, так как рациональное и эффективное использование земли является актуальной проблемой настоящего времени.

Регулирование землепользования заключается в первую очередь в управлении земельными ресурсами, которые принадлежат Российской Федерации, ее субъектам и муниципальным образованиям [1, с. 51].

Именно поэтому важно формировать государственную политику, направленную на управление земельными ресурсами, на экономическую поддержку методов рационального использования и охраны земель, а также на решение возникающих и предупреждение возможных природоохранных проблем.

Земля является базисом жизнедеятельности общества, а также политической, экономической и производственной сфер, от нормального развития которых зависит в первую очередь функционирование экономики государства, что является гарантией стабильности общественных отношений.

Система управления земельными ресурсами, которая действует на сегодняшний день, формировалась на протяжении многих десятилетий. Однако она до сих пор представляет собой ключевую проблему. При этом к ее решению важно подходить не только с практической, но и теоретической точки зрения. Считаю, целесообразно уделить внимание разработке методических положений

ний, которые раскрывали бы подробно все проблемные аспекты земельных отношений, в том числе в части учета земельных ресурсов, выводя их на новый уровень, что позволит создать эффективную систему обеспечения защиты прав и интересов субъектов земельных отношений.

Отметим также, что указанная система не должна обязательно быть только государственной. Даже эффективнее будет, если управление земельными ресурсами будет осуществляться на муниципальном уровне в совокупности с деятельностью субъектов.

В зависимости от целевого назначения все земли подразделяются на категории, которые являются основой построения системы управления земельными ресурсами [2, с. 60]. Для каждой категории земли устанавливается определенный правовой режим и виды разрешенного использования земли.

Управление земельными ресурсами представляет собой сложный и многоуровневый процесс. Начинается он прежде всего с подготовки проектов ненормативных актов органов местного самоуправления о предоставлении земельных участков физическим и юридическим лицам на различных видах права и т. д. по восходящей, заканчивая принятием федеральных законов, регулирующих все необходимые аспекты земельных отношений.

Анализ системы управления земельными ресурсами позволил прийти к выводу о том, что она нуждается в совершенствовании. При этом важно определить верный подход. Управление земельными ресурсами необходимо выстраивать способом, который разграничит функции и полномочия органов государственной власти и органов местного самоуправления [3, с. 10]. Следует не просто их разграничить, а определить порядок их взаимодействия, который обеспечит баланс их интересов.

Создание условий устойчивого экономического развития Российской Федерации – это первоочередная мера для создания эффективного использования земель в целях удовлетворения потребностей граждан [4, с. 328]. Однако следует сразу отметить, что достижение указанной цели заторможено имеющимися нерешенными проблемами в области реформирования земельных отношений.

Таким образом, ввиду своей важности земельные отношения находятся в центре правового регулирования. Действующее законодательство содержит ряд принципов, которые дают вектор развития земельных отношений. Следует отметить, что данные правоотношения регулируются комплексно, что говорит об охране земельных отношений как фундаментального института.

Говоря о законодательстве, регулирующем земельные отношения, напрашивается вывод о том, что оно играет важную роль, а значит, нуждается в постоянном совершенствовании. Для этого важно уделять не меньшее внимание земельной политике государства. Следует внедрять новые инициативы, программы, а также использовать отечественный исторический опыт и опыт зарубежных стран.

Отсюда следует, что существующие сегодня правовые пробелы в регулировании земельных отношений приводят к негативным последствиям. К ним, в частности, относится ухудшение экологического состояния земель. Следовательно, возникает острая необходимость в реализации конституционного требования рационального использования и охраны земель как основы жизни и деятельности народов.

Теоретический и практический анализ правового регулирования земельных отношений в России позволил определить, что большинство вопросов подвержены научно-правовому дискутированию, что, с одной стороны, говорит об их важности, а с другой стороны, о трудности достижения единого мнения в отношении той или иной проблемы.

В результате проведенного исследования можно прийти к выводу о том, что сам по себе институт земельных отношений и его правовое регулирование последовательно прошли основные этапы своего развития. Однако это вовсе не должно означать, что дальнейшее его изучение и совершенствование не требуется. В современных условиях количество правовых проблем в отношении данного института не только не уменьшилось, но и продолжает увеличиваться, что говорит о важности постоянного анализа и поиска путей их решений.

На сегодняшний день перед многими государствами, в том числе и перед Россией, стоит важная задача, которая заключается в обеспечении единства экономического пространства и создании условий для устойчивого развития регионов.

К сожалению, сегодня концепция устойчивого развития пока не достигла значительных успехов. Следовательно, необходимы новые подходы в планировании экономики, а вместе с тем и новые подходы к управлению земельными ресурсами.

Список источников

1. Бабенко Р. В. Решение проблемы несовпадения кадастровой и рыночной стоимости // Имущественные отношения в РФ. 2020. № 4.

2. Парковская М. И. Условия совершения сделок с земельными участками // Форум цивилистов: сб. по итогам VII Международ. науч.-практ. конф. Ростов на н/Д., 2024. С. 58–62.

3. Балина Т. Н., Парковская М. И. Основные субъекты деятельности по оценке земель. Права, обязанности и нормативные основы осуществляемой деятельности // Современные проблемы юриспруденции в условиях глобальных вызовов и трансформационных процессов: теория и практика: сб. по итогам Всероссийской науч.-практ. конф. с международ. участием. Симферополь, 2024. С. 9–11.

4. Кресникова Н. И. Правовые аспекты и экономическая сущность оборота земель в рыночной системе. М.: Юрист, 2019. 632 с.

ВОЛКОВА АЛИНА ЮРЬЕВНА,
*доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного
права Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук
E-mail: auvolkovs@mail.ru;*

АМОЧКИНА ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА,
*старший преподаватель кафедры гражданского права
и процесса Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук
E-mail: motep@mail.ru*

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТИ ОСВОБОЖДЕНИЯ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СООТВЕТСТВИИ С ПРИМЕЧАНИЕМ К СТ. 238 УК РФ

Актуальность оценки возможности освобождения медицинских работников от уголовной ответственности в настоящее время связана с необходимостью баланса между защитой прав пациентов и созданием справедливых условий для осуществления профессиональной деятельности медицинского персонала. Разработка эффективных правовых механизмов реализации уголовной ответственности и восстановления нарушенных прав позволит обеспечить надлежащую защиту прав пациентов и укрепит доверие к системе здравоохранения.

Ключевые слова: уголовная ответственность, медицинская помощь, требования безопасности, гражданская ответственность, медицинские услуги.

VOLKOVA ALINA YU.,
*Associate Professor of the Department of Criminal
and Criminal-Executive Law of the Nizhny Novgorod
Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Legal Sciences;*

АМОЧКИНА ЕКАТЕРИНА П.,
*Senior Lecturer of the Department of Civil Law
and Procedure of the Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Legal Sciences*

LEGAL ASSESSMENT OF THE POSSIBILITY OF RELEASING MEDICAL WORKERS FROM CRIMINAL LIABILITY IN ACCORDANCE

WITH THE NOTE TO ARTICLE 238 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The relevance of assessing the possibility of exempting medical workers from criminal liability is currently associated with the need for a balance between protecting patients' rights and creating fair conditions for the professional activities of medical personnel. The development of effective legal mechanisms for the implementation of criminal liability and the restoration of violated rights will ensure proper protection of patients' rights and strengthen trust in the health care system.

Keywords: criminal liability, medical care, safety requirements, civil liability, medical services.

В последние несколько лет биомедицинское законодательство претерпевает серьезные изменения в части переработки различных медицинских стандартов оказания медицинской помощи. С 1 января 2025 года в рамках реализации положений ст. 37 ФЗ № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» завершилось поэтапное введение применения клинических рекомендаций при оказании медицинской помощи [1]. Тем самым контроль за деятельностью работников системы здравоохранения в части оказания медицинской помощи будет повсеместно усиливаться, но последние изменения уголовного закона исключили возможность привлечения медицинских работников по ст. 238 УК РФ, основываясь на отграничении медпомощи от различного рода услуг.

После включения в ст. 238 УК РФ примечания, устанавливающего невозможность привлечения к уголовной ответственности по указанной норме за оказание медицинской помощи, не отвечающей требованиям безопасности, необходимо оценить условия применения нового основания освобождения от уголовной ответственности. Невозможность применения ст. 238 УК РФ позволяет применить нормы, устанавливающие ответственность за посягательства в отношении жизни и здоровья (например, ст. 109, 118 УК РФ), но это не исключает и гражданскую ответственность в части возмещения ущерба нарушенным правам и интересам личности. Это актуализирует рассмотрение введенного примечания на стыке уголовного и гражданского законодательства в части обеспечения безопасности личности в качестве пациента и восстановления на-

рушенных прав. Отдельные авторы уже отмечали ранее, что вопросы юридической ответственности медицинских работников являются довольно непростыми и характеризуются спорными моментами для оценки [2].

Исходя из возможности привлечения медицинского работника за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, к уголовной и гражданской ответственности, можно судить из комплексной защиты нарушенных прав потребителя (пациента) данной услуги. Уголовная ответственность способствует превенции в отношении недобросовестного медицинского работника в части лишения права заниматься врачебной деятельностью. Гражданская же ответственность выполняет компенсационную функцию: возмещение вреда причиненного противоправными действиями по отношению к потерпевшему лицу.

Разъяснения судебной практики относительно положений п. 1 ст. 1064 ГК РФ указывают, что вред, причиненный преступлением, подлежит возмещению в полном объеме лицом, виновным в его совершении, поэтому, по общему правилу, в качестве гражданского ответчика привлекается обвиняемый по конкретному уголовному делу [3]. Вместе с тем в случаях, когда законом обязанность возмещения вреда возлагается на лицо, не являющееся причинителем вреда, в качестве гражданского ответчика может выступать и юридическое лицо (наниматель виновного медицинского работника). Соответственно, условием освобождения медработника от уголовной ответственности по основанию, предусмотренному примечанием к ст. 238 УК РФ, должно выступать возмещение причиненного вреда. Но ключевым условием является оказание медицинской помощи.

Это сужает круг возможных медицинских манипуляций исключительно до оказания 1) первичной медико-санитарной помощи; 2) специализированной, в том числе высокотехнологичной, медицинской помощи; 3) скорой, в том числе скорой специализированной помощи; 4) паллиативной медицинской помощи [4]. Иные виды медицинских вмешательств подпадают под категорию медицинских услуг, что не позволяет освободить медицинских работников бюджетных и коммерческих организаций от уголовной ответственности в соответствии со ст. 238 УК РФ. Подобный дифференцированный подход к реализации уго-

ловной ответственности медицинских работников в перспективе создаст неоднозначную правоприменительную практику в части разграничения медицинской помощи и оказываемых медицинских услуг. Если же в рамках оказания медицинской помощи по неосторожности наступили последствия в виде тяжкого вреда здоровью или смерти, медработник не освобождается от уголовной ответственности, а привлекается в соответствии с нормами Гл. 16 УК РФ.

В качестве вывода следует обозначить возможность создания нормативного акта в сфере регулирования правоотношений медицинского работника/пациента, что позволит унифицировать категории медицинской помощи и медицинской услуги, оказываемых в государственных бюджетных учреждениях здравоохранения и платных медицинских центрах/клиниках. В качестве альтернативного способа создания единообразной практики применения уголовного и биомедицинского законодательства может выступить дополнение уже имеющихся разъяснений судебной практики, данных в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 18. Однако гражданская ответственность в виде возмещения вреда в рамках медицинского вмешательства должна реализовываться в любом случае.

Список источников

1. Постановление Правительства РФ от 17.11.2021 г. № 1968 «Об утверждении Правил поэтапного перехода медицинских организаций к оказанию медицинской помощи на основе клинических рекомендаций, разработанных и утвержденных в соответствии с частями 3, 4, 6–9 и 11 статьи 37 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СР РФ. 2021. № 47. Ст. 7867.

2. Тутарищева С. М., Дзыбова С. Г., Цеева С. К. Гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность медицинских работников // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2024. Т. 32. Вып. 1. С. 670–675.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» // Российская газета. 2020. 23 октября.

4. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

ГОЛОВИЗНИН АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,
*исполняющий обязанности заведующего кафедрой
предпринимательского права Уральского
государственного экономического университета,
кандидат юридических наук
E-mail: a.goloviznin@mail.ru;*

МАХМУТОВА АЛЬБИНА ЗУФАРОВНА,
*магистрант Уральского государственного
экономического университета
E-mail: albina2003makhmutova@gmail.com*

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОСОБЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОНАХ

В настоящее время возрастает роль особых экономических зон как средства стимулирования экономического роста и привлечения инвестиций. Благоприятный режим для осуществления предпринимательской деятельности является одним из ключевых факторов, определяющих привлекательность ведения бизнеса на данных территориях. В статье рассматриваются особенности правового режима предпринимательской деятельности в особых экономических зонах.

Ключевые слова: особые экономические зоны, предпринимательская деятельность, правовой режим

GOLOVIZNIN ALEXEY V.,
*Head of the Business Law Department of the Ural State
Economic University, Candidate of Legal Sciences;*

MAKHMUTOVA ALBINA Z.,
Undergraduate student of the Ural State Economic University

LEGAL REGIME FOR CONDUCTING BUSINESS IN SPECIAL ECONOMIC ZONES

Currently, the role of special economic zones as a means of stimulating economic growth and attracting investments is increasing. A favorable business environment is one of the key factors determining the attractiveness of doing business in these territories. The article examines the features of the legal regime of business activity in special economic zones.

Keywords: special economic zones, business activity, legal regime

Концепция долгосрочного прогноза развития науки и технологий Российской Федерации на период до 2030 года [1] предусматривает создание инновационно-ориентированной национальной модели российской экономики, которая обеспечит поступательный экономический рост в условиях глобализации мировой экономической системы. Решению этих задач будут способствовать эффективные инструменты повышения инвестиционной привлекательности страны. Одним из таких нефинансовых инструментов привлечения инвестиций в регионы являются территориальные организации и экономические структуры в виде особых экономических зон (далее – ОЭЗ) как важные федеральные проекты, призванные обеспечить приток российских и прямых иностранных инвестиций в экономику путем создания необходимых условий для их деятельности [2, с.57].

Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем выступлении перед Федеральным Собранием 29 февраля 2024 года указал на необходимость наращивания производства в промышленном секторе экономики и сокращения импорта за счет выпуска аналогичной продукции внутри страны [3]. В рамках реализации данной задачи 7 марта 2024 года Правительство РФ одобрило создание трех новых особых экономических зон с благоприятными условиями ведения бизнеса и налогообложения (ОЭЗ «Система» в Саранске (Мордовия), ОЭЗ «Ростовская» в Новочеркасске и ОЭЗ «Эммаус» в Тверской области), а также приняло решение о продлении функционирования существующих особых экономических зон в России (срок действия ОЭЗ в Магаданской области продлен до 31 декабря 2046 года).

Территория особой экономической зоны определена в статье 2 Федерального закона от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах Российской Федерации» [4] (далее – Закон РФ об ОЭЗ) как часть территории Российской Федерации, определенная постановлением Правительства Российской Федерации о создании особой экономической зоны. Например, согласно Постановлению Правительства РФ от 16 декабря 2010 г. № 1032 «О создании

особой экономической зоны промышленно-производственного типа на территории муниципального образования Верхнесалдинского городского округа Свердловской области» [5], «Титановая долина» является особой экономической зоной промышленно-производственного типа, созданной на территории Верхнесалдинского городского округа Свердловской области.

Помимо Закона РФ об ОЭЗ и других федеральных законов, определяющих термин «особые экономические зоны», в законодательстве многих стран существуют другие подобные названия: «свободная экономическая зона»; «специальная экономическая зона»; «зона свободного предпринимательства»; «зона совместного предпринимательства»; «зона экономического благоприятствования»; «свободная зона» и т. д.

С. В. Щурина указывает, что ОЭЗ используются главным образом в России для наращивания потенциала обрабатывающих отраслей экономики, увеличения количества высокотехнологичных производств, разработки новой продукции, предоставления возможностей генерирования отечественных передовых технологий с последующей коммерциализацией выпускаемых с их помощью товаров [6, с. 83]. Зарубежные авторы в качестве целей создания ОЭЗ выделяют расширение инвестиций, снижение действующих барьеров, содействие инвесторам [7, с. 9].

Согласно ст. 3 Закона РФ об ОЭЗ, данные территории создаются в целях развития обрабатывающих отраслей экономики, развития туризма, санаторно-курортной сферы, портовой и транспортной инфраструктур, разработки технологий и коммерциализации их результатов, производства новых видов продукции. Например, основной целью создания ОЭЗ «Оренбуржье» является формирование множественного мультипликативного положительного эффекта в стратегически важных отраслях экономики Российской Федерации и Оренбургской области, создание благоприятных условий для привлечения инвестиций для развития промышленных производств и переработки сельскохозяйственной продукции [8].

Таким образом, в Законе РФ об ОЭЗ выделены общие цели ОЭЗ без детального рассмотрения их варьирования в зависимости от вида зон, что не позволяет конкретизировать целевые установки создания ОЭЗ и негативно влияет на эффективность результатов их деятельности. Ведь в отсутствии четких целевых установок невозможно проконтролировать, были ли достигнуты (и в какой мере) запланированные результаты. В связи с этим предлагаем внести изменения в Закон РФ об ОЭЗ, предусматривающие привязку типологии ОЭЗ к целям их создания, а также четкое разделение целевых направлений деятельности, подлежащих развитию в ОЭЗ, и их качественных характеристик.

Традиционно выделяют четыре основных типа особых экономических зон: промышленно-производственные особые экономические зоны, туристско-рекреационные особые экономические зоны, технико-внедренческие особые экономические зоны и портовые особые экономические зоны. Несомненно, среди этих типов ОЭЗ именно технико-внедренческие или инновационные ОЭЗ играют особую роль в управлении инноваций и развития в России [9, с. 6]. Существование различных типов ОЭЗ свидетельствуют о разной степени готовности к стимулированию притока иностранного капитала и уровне либерализации экономической сферы деятельности [10, с. 518].

Эффект от ОЭЗ проявляется прежде всего в создании благоприятного инвестиционного климата, улучшении условий ведения бизнеса, развитии региональной инфраструктуры, услуг и передовых технологий, увеличении производства и экспорта отечественных товаров, снижении импортозависимости регионов, росте занятости и увеличении налоговых поступлений в бюджеты всех уровней. В связи с этим в России создан национальный рейтинг инвестиционной привлекательности ОЭЗ для оценки всего процесса [11].

Таким образом, действующее законодательство об ОЭЗ предусматривает следующие основные особенности ОЭЗ:

управление ОЭЗ особыми (самостоятельными) органами управления с определенными полномочиями;

льготный налоговый режим;

таможенный режим свободной таможенной зоны;

применение особого режима осуществления предпринимательской деятельности только в отношении лиц, получивших статус резидентов ОЭЗ;

гарантия резидентам ОЭЗ от неблагоприятного изменения законодательства.

Основной особенностью ОЭЗ является наличие особого (льготного) правового режима предпринимательской деятельности, легальное определение которого на сегодняшний день отсутствует. Ю. В. Шелегов, Л. П. Плеснева трактуют особый правовой режим как совокупность средств и методов, используемых государством, когда безопасности общества и государства угрожает реальная опасность [12, с. 70]. В то же время С. И. Ежикова указывает, что особый правопорядок как определенная последовательность действий или бездействий субъектов права является необходимым и обязательным элементом правового режима [13, с. 637].

По мнению А. А. Мохова, под правовым режимом предпринимательской деятельности понимается порядок осуществления предпринимательства в определенной экономической сфере, характеризующийся особым сочетанием методов воздействия, направленных на достижение целей и задач социально-экономического развития, обеспечение обороны страны и безопасности государства [14, с. 10]. А. В. Малько и А. П. Лиманская считают, что особый правовой режим ОЭЗ заключается в наличии привилегий и преимуществ, либо особых ограничений, выраженных в форме дополнительных запретов или позитивных обязательств [15, с.121–123]. Развивая эти идеи, И. В. Ершова и А. Ю. Петраков показали необходимость дополнения специального правового режима системой пространственной организации предпринимательской деятельности – льготным режимом, связанным с особыми экономическими зонами и регионами опережающего социально-экономического развития, и специального правового режима – режимом повышения готовности [16, с.15].

Исходя из вышесказанного, можно сформулировать следующее определение: правовой режим осуществления предпринимательской деятельности в

ОЭЗ – особый порядок правового регулирования предпринимательской деятельности в ОЭЗ, закрепленный в определенных правовых актах с указанием специальных социальных условий и определенной степени преференций для удовлетворения интересов субъектов, осуществляющих деятельность в ОЭЗ.

Список источников

1. Концепция долгосрочного прогноза развития науки и технологий Российской Федерации на период до 2030 года. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157978.

2. Гуляева В. Б., Хамад М. Особые экономические зоны как инструмент привлечения инвестиций в регионы // Научно практический ежемесячный журнал. 2020. С. 57–96.

3. Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем выступлении перед Федеральным Собранием 29 февраля 2024 года указал на необходимость наращивания производства в промышленном секторе экономики и сокращения импорта за счет выпуска аналогичной продукции внутри страны. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471111/.

4. Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 30. Ст. 3127.

5. Постановление Правительства РФ от 16.12.2010 № 1032 «О создании на территории муниципального образования Верхнесалдинский городской округ Свердловской области особой экономической зоны промышленно-производственного типа». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108255/.

6. Щурина С. В. Особые экономические зоны как точки роста для развития экономики России // Экономика. Налоги. Право. 2024. Т. 17. №. 3. С. 81–95.

7. Cheesman A. Special Economic Zones & Development: Geography and Linkages in the Indian EOU Scheme. URL: <http://www.bartlett.ucl.ac.uk/dpu/publications/dpu/latest/publications/dpu-working-papers/WP145.pdf>. P. 9.

8. Постановление Правительства РФ от 27.09.2021 №1616 «О создании на территориях муниципальных образований «город Оренбург» и «Город Орск» Оренбургской области особой экономической зоны промышленно-производственного типа». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396452/.

9. Тихий В. И., Корева О. В. Особые экономические зоны технико-внедренческого типа как базовый элемент инновационной системы региона: подходы к определению эффективности их функционирования // Региональная экономика: теория и практика. 2021. № 191 (484). С. 4–22.

10. Казенков О. Ю., Родионов С. В., Козлов В. В. Перспективы особых экономических зон в России сегодня // Образование и право. 2023. № 5. С. 517–523.

11. Методика АКИТ РФ в оценке инвестиционной привлекательности ОЭЗ России. URL: <https://akitrf.ru/news/metodika-akit-rf-v-otsenke-investitsionnoy-privlekatelnosti-oez-rossii/>.

12. Шелегов Ю. В., Плеснева Л. П. Генезис и сущность особых правовых режимов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 3 (106). С. 67–78.

13. Ежикова С. И. Особый правовой порядок и правовой режим: особенности соотношения в контексте аналитического подхода // Юридическая техника. 2024. № 18. С. 635–637.

14. Мохов А. А. Правовые режимы осуществления экономической деятельности и саморегулирование предпринимательской или профессиональной деятельности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 4. С. 9–14.

15. Малько А. В., Лиманская А. П. Специальный правовой режим как особое средство правового регулирования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 6. С. 120–124.

17. Ершова И. В., Петраков А. Ю. Режим повышенной готовности в системе правовых режимов осуществления предпринимательской деятельности // Lex Russica. 2020. № 9. С. 13–16.

*ДЕГТЯРЕВ СЕРГЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ,
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
Уральского юридического института МВД России,
доктор юридических наук, профессор
E-mail: dsl001@mail.ru*

ПРИМИРЕНИЕ СТОРОН КАК ЗАДАЧА ПОДГОТОВКИ ДЕЛА К СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ

В статье рассматривается и устанавливается взаимосвязь надлежащего выполнения задач, стоящих перед органом судебной власти на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, с примирением сторон; предопределенность задачами по подготовке дела последующих вопросов, рассматриваемых судом в судебном заседании; вопросов, разрешаемых судом в совещательной комнате при принятии судебного решения; мотивировочной частью судебного решения и основаниями для его отмены.

Ключевые слова: стадия гражданского процесса, подготовка дела к судебному разбирательству, цели и задачи гражданского судопроизводства, цели и задачи стадии подготовки дела к судебному разбирательству, предмет доказывания по делу.

*DEGTYAREV SERGEY L.,
Professor of the Department of Civil Law Disciplines
of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Doctor of Law, Professor*

RECONCILIATION OF THE PARTIES AS A TASK OF PREPARING A CASE FOR TRIAL

The article examines and establishes the relationship between the proper performance of the tasks facing the judicial authority at the stage of preparing a case for trial, with reconciliation of the parties; predetermination of the tasks of preparing a case of subsequent issues considered by the court in the court session; issues resolved by the court in the deliberation room when making a judicial decision; the reasoning part of the judicial decision and the grounds for its cancellation.

Keywords: stage of civil proceedings, preparing a case for trial, goals and objectives of civil proceedings, goals and objectives of the stage of preparing a case for trial, subject of proof in a case.

Стадия подготовки дела к судебному разбирательству является обязательной во всех процессах, относимых в последнее время к так называемому «цивилистическому» [1; 2] процессу: гражданский процесс, арбитражный про-

цесс, административное судопроизводство. Реализация стадии подготовки дела к судебному разбирательству связывается законодателем с выполнением судом определенных задач для достижения ближайшей процессуальной цели именно на этой стадии. Следует отметить, что все эти цели и задачи ставятся законом именно перед судом, так как у сторон по делу в этой, предыдущей и последующих стадиях присутствуют только свои, самостоятельные цели и задачи, обусловленные личными интересами и не всегда совпадающие с вышеуказанными целями и задачами законодателя и судебной власти.

Общей целью гражданского судопроизводства в целом и судебного разбирательства в частности, по нашему мнению, является устранение правового конфликта в обществе, по поводу которого оно было возбуждено и проведено. Для достижения этой общей цели суду необходимо выполнить задачи, стоящие перед всем гражданским судопроизводством (ст. 2 ГПК, ст. 2 АПК, ст. 3 КАС) [3]. Кроме общей цели в процессуальной теории и законодательстве, формулируются ближайшие (локальные) цели, охватывающие действия участников на каждой из выделяемых стадий гражданского процесса (точнее, гражданского процесса в его широком понимании), прежде всего для стадии возбуждения, подготовки и судебного разбирательства, охватывающих рассмотрение дела в суде первой инстанции и являющихся обязательными в любом гражданском деле (за исключением ускоренных видов производств рассмотрения дела, например, приказного, упрощенного). Несмотря на близость по содержанию понятий «цель» и «задача», считаем необходимым уточнить, что цель является родовым понятием по отношению к задаче. Поэтому достижение цели (более общего понятия) возможно через решение каждой из отдельно взятых задач (видового понятия).

Как ни странно, ближайшая процессуальная цель стадии подготовки дела к судебному разбирательству, сформированная в научной теории и нашедшая отображение в учебной юридической литературе, закреплена только в более «свежих» действующих процессуальных кодексах – Кодексе административного судопроизводства РФ (далее КАС) и Арбитражном процессуальном кодексе

(далее АПК), и, вообще, отсутствует в качестве легально определенной в Гражданском процессуальном кодексе РФ (далее ГПК).

Статья 132 КАС вслед за ч. 2 ст. 133 АПК устанавливает, что подготовка к судебному разбирательству является обязательной по каждому делу и проводится в целях обеспечения правильного и своевременного рассмотрения административного (арбитражного) дела.

Однако задачи, стоящие перед судом на стадии подготовки дела к судебному разбирательству в административном судопроизводстве, от реализации которых зависит достижение выше обозначенных процессуальных целей, в КАС отсутствуют. Зато все эти задачи закреплены в ГПК (см. ст. 148 ГПК) и в АПК (см. ст. 133 АПК), но, еще раз подчеркнем, отсутствуют в нормативном поле КАС. Является ли это ошибкой или намеренным «гениальным» выбором законодательной техники со стороны законодателя в отношении правовых явлений одного порядка – целей и задач на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, применительно к ГПК, АПК и КАС, сложно сказать, однако возможность применения процессуального права по аналогии позволяет правоприменителю, и прежде всего суду, преодолеть и эти трудности в рамках ГПК, АПК и КАС, имеющих одно общее начало – гражданский процесс.

Сами задачи по подготовке дела к судебному разбирательству в ст.148 ГПК сформулированы следующим образом:

уточнение фактических обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела;

определение закона, которым следует руководствоваться при разрешении дела, и установление правоотношений сторон;

разрешение вопроса о составе лиц, участвующих в деле, и других участников процесса;

представление необходимых доказательств сторонами, другими лицами, участвующими в деле;

примирение сторон.

Необходимо отметить, что значение задач, выполняемых судом на стадии подготовки, трудно переоценить, потому что, как ни странно, мы встречаем их в дальнейшем неоднократно на протяжении всего гражданского процесса. Например, задачи, сформулированные в ст.148 ГПК, становятся на стадии судебного разбирательства вопросами, которые обсуждаются в рамках проводимого судебного заседания, так как без их разрешения невозможно рассмотреть и разрешить дело по существу.

В дальнейшем они же становятся вопросами, которые обсуждаются судом в совещательной комнате при принятии судебного решения: «При принятии решения суд оценивает доказательства, определяет, какие обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения дела, установлены и какие обстоятельства не установлены, каковы правоотношения сторон, какой закон должен быть применен по данному делу и подлежит ли иск удовлетворению» (см. ч. 1 ст. 196 ГПК).

После этого их отражение мы находим в мотивировочной части судебного решения: «В мотивировочной части решения суда должны быть указаны: 1) фактические и иные обстоятельства дела, установленные судом; 2) выводы суда, вытекающие из установленных им обстоятельств дела, доказательства, на которых основаны выводы суда об обстоятельствах дела и доводы в пользу принятого решения, мотивы, по которым суд отверг те или иные доказательства, принял или отклонил приведенные в обоснование своих требований и возражений доводы лиц, участвующих в деле; 3) законы и иные нормативные правовые акты, которыми руководствовался суд при принятии решения, и мотивы, по которым суд не применил законы и иные нормативные правовые акты, на которые ссылались лица, участвующие в деле» (ч. 4 ст. 198 ГПК).

Но и это еще не все. В случае обжалования судебного решения в вышестоящую судебную инстанцию они (задачи по подготовке дела к судебному разбирательству) могут стать основаниями для отмены либо изменения судебного решения – см. например, ст.330 ГПК. Аналогичным образом обстоят дела

с задачами по подготовке дела к судебному разбирательству в АПК и КАС, хотя они и не выделены в последнем, как уже отмечалось выше.

Заслуживают внимания две задачи, разрешение которых связано не только с судопроизводственной деятельностью суда, но и с доказательственной деятельностью всех участников процесса. Это задача по определению обстоятельств, имеющих значение по делу, другими словами – правильное определение судом предмета доказывания по делу. Второй является связанная с первой задача по определению необходимых доказательств, а также оказание помощи в их сборе сторонам, нуждающимся в этом.

Во-первых, наличие рассматриваемой первой задачи позволяет сделать нам вывод о том, что суд является активным субъектом в доказательственной деятельности, наряду с истцом и ответчиком.

Во-вторых, обязанность суда активно принимать участие в доказательственной деятельности, прежде всего в правильном определении предмета доказывания по делу, свидетельствует об отсутствии чистой состязательности в модели отправления правосудия по гражданским делам в РФ. Наряду с провозглашенным и все более внедряемым принципом состязательности сторон в доказательственной деятельности, элемент обязанности суда по правильному определению предмета доказывания по делу позволяет говорить нам лишь о смешанной модели гражданского процесса в России (одновременно существуют элементы и состязательной, и следственной модели).

В-третьих, невыполнение судом задачи по правильному определению обстоятельств, имеющих значение по делу (предмета доказывания по делу), грозит суду неблагоприятными последствиями. В качестве таких неблагоприятных последствий может стать отмена судебного решения по п. 1 ч. 1 ст. 330 ГПК, где «основаниями для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке являются: неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела».

Таким образом, от добросовестного выполнения судом задач на стадии подготовки дела зависит не только достижение ближайшей процессуальной це-

ли – своевременного и правильного рассмотрения дела, но и гарантируется вынесение правильного судебного решения, отвечающего требованиям законности и обоснованности, а также активное участие суда в доказательственной деятельности на этапе формирования предмета доказывания по делу. Более того, это все осуществляется под угрозой отмены судебного решения в случае ненадлежащего выполнения судом рассматриваемых нами задач.

В связи с этим для суда, как ни странно, наиболее актуальной и предпочтительной представляется достижение задачи по примирению сторон, так как именно примирение сторон в любой предусмотренной соответствующим законом процессуальной форме позволяет суду выполнить одновременно с этой задачей и все остальные задачи, причем не только задачи по подготовке дела к судебному разбирательству, но и задач и общей цели всего цивилистического судопроизводства.

Процессуальный «инструментарий» по достижению примирения сторон на стадии подготовки дела во всех цивилистических процессах по ГПК, АПК и КАС один и тот же:

- содержание определения о подготовке дела к судебному разбирательству;
- действия суда по проведению «бесед» и «собеседований» со сторонами при соблюдении антикоррупционного законодательства и Кодекса судейской этики;
- подготовка и проведение предварительного судебного заседания.

Таким образом, все вышеобозначенные действия суда сводятся к одному: сначала разъяснить все, уже многочисленные процедуры примирения, а затем убедить стороны в преимуществе выбранной ими примирительной процедуры перед «угрозой» дальнейшего вынесения самим судом обоснованного и законного решения, соответствующего требованиям социальной справедливости! При этом суд не должен нарушить требования принципа независимости судей. Может в этом и кроется внутреннее противоречие между функциями правосудия и функциями суда по примирению сторон? Отсюда столь острая дискуссия

о функциях и роли помощника судьи в отправлении правосудия, о необходимости прохождения процедуры медиации как условия получения сторонами права на суд и т. д.

Список источников

1. Загидуллин М. Р. О содержании понятия «цивилистический процесс» // Журнал Российского права. 2020. № 5. С. 120–130.

2. Ганичева Е. С. К вопросу о содержании понятия «цивилистический процесс» // Образование и право. 2022. № 4. С. 134–140.

3. Дегтярев С. Л. Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве: теоретико-прикладные проблемы. М.: Волтерс Клувер, 2007. 364 с.

*ДОРОШЕНКОВА ТАТЬЯНА ЕВГЕНЬЕВНА,
студент 3 курса группы
факультета управления и комплексной безопасности
Уральского института ГПС МЧС России
E-mail: drshncv@icloud.com*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В данной работе рассмотрены теоретические основы цифровизации принудительного исполнения, проанализированы и обозначены ключевые проблемы, а также перспективы её развития в Российской Федерации, что имеет огромное значение для стабильного развития современного общества.

Ключевые слова: цифровизация, принудительное исполнение, основные проблемы, перспективы развития, защита данных, цифровая грамотность.

*DOROSHENKOVA TATIANA E.,
3rd year student of the COMECON-231 group,
specialties forensic examination 40.05.03
Faculty of Management and Integrated Security
Ural Institute of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia*

DIGITALIZATION OF ENFORCEMENT: MAIN PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

In this paper, the theoretical foundations of digitalization of compulsory execution are considered, key problems are analyzed and identified, as well as prospects for its development in the Russian Federation, which is of great importance for the stable development of modern society.

Keywords: digitalization, enforcement, main problems, development prospects, data protection, digital literacy.

Цифровизация в современном мире представляет собой ключевой и неоспоримо важный процесс трансформации различных отраслей знаний и сфер жизни общества, включая и правовую сферу. В контексте принудительного исполнения цифровизация подразумевает внедрение информационных технологий и цифровых решений для повышения общей эффективности и объективности процедур, связанных, в частности, с выполнением судебных решений. Дан-

ный процесс охватывает несколько значимых аспектов, среди которых следует выделить автоматизацию рутинных и однообразных операций, использование современных электронных баз данных для упрощения работы, а также систем управления делами, что, в свою очередь, позволяет значительно оптимизировать работу в данной области.

30 декабря 2021 года Федеральной службой судебных приставов Российской Федерации (далее – ФССП России) совместно с Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации в целях повышения эффективности принудительного исполнения была разработана и одобрена концепция «Цифрового исполнительного производства», а также была утверждена ведомственная программа цифровой трансформации Федеральной службы судебных приставов на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов согласно приказу ФССП России от 30.12.2021 № 890 (ред. от 02.11.2022, с изм. от 30.12.2022) «Об утверждении ведомственной программы цифровой трансформации Федеральной службы судебных приставов на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов». Цели данной государственной программы обширны и затрагивают в полной мере все аспекты разных сфер жизни общества. [1, с. 36].

Внедрение цифровизации в сферу принудительного исполнения является стратегически важным шагом, но сопровождается рядом значительных проблем. Одной из самых серьёзных является техническая сложность интеграции новых технологий в уже действующую правовую систему. Существует множество факторов, которые способствуют возникновению данной проблемы, это требует не только финансовых и временных ресурсов, но и целого комплекса действий по её преодолению. С действующей системой многие государственные учреждения используют устаревшие платформы и программные решения, которые уже устарели как по функционалу, так и по техническим характеристикам. Эта изолированная система, в которую внедряются новые технологии, создаёт множество информационных барьеров для их интеграции. Чтобы реализовать модернизацию, организациям необходимо провести детальный анализ

своих IT-инфраструктур, что включает в себя выяснение, какие именно системы нуждаются в замене, а какие могут быть оптимизированы. В некоторых случаях это может привести к серьёзным перерасходам из-за необходимости создания новых гибких информационных систем, а также обучения сотрудников, которые будут работать с новыми решениями. [2, с. 103].

Цифровизация, безусловно, открывает перед исполнительным производством новые горизонты, однако она также требует и внимательного отношения к рискам утечки конфиденциальной информации. В частности, информация о должниках и взыскателях становится объектом повышенного интереса злоумышленников. Важнейшими факторами, влияющими на уровень безопасности данных, являются законодательные ограничения, касающиеся защиты персональных данных. Эффективная защита данных должна включать в себя не только правовую, но и технические компоненты.

Таким образом, при анализе вопросов безопасности и защиты данных можно с уверенностью утверждать, что они становятся основополагающими в процессе цифровизации исполнительного производства. В условиях постоянно растущих угроз и усложняющегося технологического окружения учреждениям необходимо адаптироваться и обдумывать свою стратегию, принимая меры и разрабатывая инновационные подходы к защите как своих систем, так и данных граждан.

Низкий уровень цифровой грамотности среди его участников не только затрудняет внедрение новых технологий, но и замедляет процесс эффективного использования и развития существующих цифровых решений. Неготовность многих субъектов правоотношений и даже работников государственных учреждений к работе с электронными платформами может создавать сложные ситуации и вызывать недопонимание, которое негативно сказывается на общем процессе. Знания и навыки в области цифровых технологий играют значимую роль в обеспечении качественного взаимодействия между всеми участниками исполнительного производства. Эти преграды создают дополнительные сложности и препятствуют эффективному использованию предлагаемых онлайн-

сервисов, тем самым увеличивая разрыв между различными группами населения. Для успешного решения проблемы необходимость повышения цифровой грамотности среди участников исполнительного производства не должна восприниматься как задача, лежащая исключительно на их плечах. Важно внедрять образовательные программы, направленные на развитие цифровых навыков у граждан, поскольку это позволит облегчить процесс взаимодействия и повысит общую уровень общественного доверия к системе.

Усовершенствование цифровизации в сфере принудительного исполнения – это важная задача, требующая комплексного подхода. Для начала важно разработать и внедрить образовательные программы в интерфейс приложений и сервисов, где доступно для граждан будут даны указания и пояснения, нацеленные на повышение цифровой грамотности всех участников процесса. Это поможет понять и освоить новые технологии, что повысит уровень взаимодействия с ними и в дальнейшем поспособствует их развитию. Обеспечение доступа к необходимым технологиям, таким как высокоскоростной Интернет и современные компьютеры, должно стать приоритетным направлением. Как государственные инициативы, так и частные партнерства могут сыграть важную роль в создании общественных точек доступа, что позволит большему числу граждан присоединиться к цифровым процессам.

Следуя данным рекомендациям, можно создать более эффективную и объективную систему принудительного исполнения решений. Это, в свою очередь, укрепит доверие граждан к функциональности и надежности данной области, улучшая качество предоставляемых услуг и создавая новые возможности для взаимодействия и обслуживания, а также способствуя дальнейшей интеграции и развитию информационных технологий в правовой сфере.

Таким образом, цифровизация принудительного исполнения является технически сложным, но важным процессом в общей стратегии модернизации правовой системы. Она не только значительно улучшает функционирование государственных учреждений, но и способствует развитию правосознания в обществе, основанного на принципах признания и доверия. В будущем, с учетом

всех выявленных проблем и достигнутых успехов, необходимо продолжать движение к созданию системы, где справедливость и законность будут основными приоритетами, доступными для каждого.

Список источников

1. Воробьева А. А., Коржук В. М., Попов И. Ю. Защищенный документооборот: учебно-методическое пособие. СПб: Университет ИТМО, 2021. 36 с.
2. Колпаков А. А. Влияние цифровизации на эффективность исполнительного производства. URL: <https://scilead.ru/article/6798-vliyanie-tsifrovizatsii-na-effektivnost-ispol> (дата обращения: 10.04.2025).

*ЖИЛЬЦОВА ВАСИЛИНА СЕРГЕЕВНА,
студент Уральского Института ГПС МЧС России
E-mail: vasilinanik05@mail.ru*

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УЩЕРБ, ПРИЧИНЕННЫЙ ПОЖАРОМ, ВОЗНИКШИМ ВСЛЕДСТВИЕ НЕНАДЛЕЖАЩЕГО СОДЕРЖАНИЯ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА В МНОГОКВАРТИРНОМ ДОМЕ: ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ УПРАВЛЯЮЩИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И СОБСТВЕННИКОВ

В статье рассматриваются вопросы определения ответственности за ущерб, причиненный пожаром в многоквартирных домах, вызванным ненадлежащим содержанием общего имущества. Особое внимание уделено разграничению ответственности между собственниками помещений и управляющими организациями. Производится анализ положений Гражданского и Жилищного кодексов РФ, а также судебной практики, связанной с возмещением ущерба и компенсацией морального вреда.

Ключевые слова: ответственность, ущерб, многоквартирный дом, управляющая организация, собственники, судебная практика, досудебное урегулирование, ненадлежащее содержание общего имущества.

*ZHILTSOVA VASILINA S.,
Student of Ural Institute of GPS of the
Ministry of Emergency Situations of Russia*

CIVIL LIABILITY FOR DAMAGE CAUSED BY A FIRE RESULTING FROM IMPROPER MAINTENANCE OF COMMON PROPERTY IN AN APARTMENT BUILDING: PROBLEMS OF DIFFERENTIATING THE RESPONSIBILITIES OF MANAGING ORGANIZATIONS AND OWNERS

The article discusses the issues of determining liability for damage caused by a fire in apartment buildings caused by improper maintenance of common property. Special attention is paid to the division of responsibility between owners of premises and management organizations. The provisions of the Civil and Housing Codes of the Russian Federation, as well as judicial practice related to compensation for damage and compensation for moral damage, are analyzed.

Keywords: liability, damage, apartment building, management organization, owners, judicial practice, pre-trial settlement, improper maintenance of common property.

Пожары в многоквартирных домах (МКД) представляют собой главную причину как личного, так и имущественного ущерба для граждан. Такие инциденты нередко случаются из-за ненадлежащего ухода за общим имуществом, что приводит к материальным и моральным потерям как для владельцев жилых помещений, так и для третьих лиц. Необходимо отметить, что ущерб от пожара может проявляться как в прямой форме (например, повреждение имущества), так и косвенной (например, утрата возможности временного проживания или расходы на восстановление).

В такой ситуации происходит развитие правовой проблемы: кто должен нести ответственность за ущерб, если он был причинен пожаром, возникшим из-за ненадлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме? Этот вопрос затрагивает несколько аспектов гражданско-правовой ответственности, включая разграничение ответственности между управляющими организациями (УО) и собственниками квартир.

Так, Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) регулирует основные принципы ответственности за ущерб, причиненный ненадлежащим исполнением обязательств. В частности, статья 1064 ГК РФ устанавливает, что за ущерб, причиненный действиями или бездействием, ответственность несет тот, кто этот ущерб причинил [1].

В случае возникновения пожара, который повлек за собой ущерб, разграничение ответственности зависит от того, кто именно был обязан следить за состоянием общего имущества.

В соответствии с положениями ч. 1 и ч. 2 ст. 162 Жилищного кодекса Российской Федерации договор управления многоквартирным домом заключается с управляющей организацией, которая обязуется выполнять работы и (или) оказывать услуги за плату, включая работы и услуги по надлежащему содержанию и ремонту общего имущества [2].

Из соответствующих положений Жилищного кодекса РФ следует то, что собственники помещений в многоквартирных домах относятся к потребителям услуг, оказываемых управляющей организацией (исполнителем) по возмездному договору, на основе чего на данные правоотношения распространяется Закон РФ от 07.02.1992 №2300-1 «О защите прав потребителей» [3], на что неоднократно указывал Верховный Суд РФ [4].

В конечном итоге, закон возлагает на управляющую организацию обязанность по возмещению ущерба и компенсации морального вреда, причиненного в результате ненадлежащего содержания или же ремонта общего имущества многоквартирных домов.

В случаях возникновения спора о возмещении ущерба собственники помещений в многоквартирных домах могут урегулировать данные споры как во внесудебном, так и в судебном порядке. Досудебный порядок разрешения спора является необязательным в данной ситуации в силу положений Закона о защите прав потребителей. При рассмотрении подобной ситуации в досудебном формате следует обратиться в управляющую компанию с претензией, в которой должны быть указаны все обстоятельства по оказанию некачественных услуг, а также требования по устранению последствий ненадлежащего содержания имущества и (или) возмещению причиненного вреда собственнику помещения.

В том случае, если управляющая организация не исполняет заявленные требования собственника помещения в многоквартирном доме в добровольном порядке, то собственнику необходимо обратиться с иском в суд, соответствующим требованиям ст. 131 и ст. 132 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [5].

По общему правилу иск к организации предъявляется в суд общей юрисдикции (п. 5 ч. 1 ст. 23, ст. 24 ГПК РФ) по адресу организации, однако иски о защите прав потребителей также могут быть предъявлены в суд по месту жительства или пребывания истца либо по месту заключения или исполнения договора.

Каждая сторона должна доказать в суде те обстоятельства, на которые она ссылается, как на основания своих требований и возражений (могут быть установлены при помощи объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов).

Вопрос о компенсации морального вреда, а также об определении его размера также решается в судебном порядке, включая учёт степени физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред (ст. 151 ГК РФ).

С обращением о нарушениях требований законодательства, допущенных управляющими компаниями, также можно обратиться в контролирующий орган, осуществляющий региональный государственный жилищный надзор, или же прокуратуру.

Однако, несмотря на общую ответственность управляющей организации за содержание общего имущества, она не всегда будет нести ответственность за последствия пожара. Например, если пожар произошел из-за действий или бездействия собственников помещений, управляющая организация может быть освобождена от ответственности.

Собственники квартир также имеют обязанности по содержанию общего имущества, но в пределах своей доли в праве общей собственности на это имущество. Статья 36 ЖК РФ установила, что собственники помещений в многоквартирном доме обязаны заботиться о сохранности общего имущества, в том числе информировать управляющую организацию о выявленных неисправностях, о проведении необходимых работ по ремонту и модернизации. Это также включает обязанность по соблюдению требований пожарной безопасности как в своих помещениях, так и в отношении общего имущества.

Очень часто возникает ситуация, когда собственники квартир не выполняют свои обязанности по содержанию общего имущества, что приводит к возникновению пожара. Например, собственники могут проводить работы, нарушающие строительные нормы и правила (например, изменения в электропро-

водке, установку неисправных устройств), что может стать причиной короткого замыкания и возгорания. В таких случаях собственник может быть признан ответственным за ущерб в соответствии с ГК РФ, так как его действия (или бездействие) привели к возникновению ущерба.

Однако собственники могут и нести ответственность за пожар в случае нарушения их обязанностей в части содержания общедомового имущества, даже если они не были непосредственно ответственными за техническое состояние всего здания.

Судебная практика показывает, что случаи разграничения ответственности между управляющими организациями и собственниками помещений часто становятся затруднительными. На практике нередко возникают споры, кто именно должен возмещать ущерб, если пожар был вызван неисправностью, находящейся в общей долевой собственности.

Например, если управляющая организация не проводила проверки общего имущества и не устраняла недостатки, то она может быть привлечена к ответственности за неисполнение обязательств. Но если причиной пожара стали действия одного из собственников, ответственность должна быть возложена на него.

Неопределенность в разграничении ответственности осложняется тем, что в ряде случаев договоры управления многоквартирными домами не включают в себя строго определенных критериев разграничения обязанностей между собственниками и управляющими организациями. Это приводит к многочисленным разногласиям в судебных разбирательствах, так как обе стороны могут интерпретировать свои обязанности по-разному.

Проблема разграничения ответственности требует более четкого определения прав и обязанностей сторон в договорах управления многоквартирными домами. Важно, чтобы собственники и управляющие организации осознавали свои функции и обязательства по обеспечению безопасности и сохранности имущества. Профилактические работы, страхование и четкие юридические нормы помогут снизить риски и оптимизировать систему.

Например, в договорах управления многоквартирными домами можно более точно определить обязанности собственников и управляющих организаций, чтобы четко разграничить ответственность за содержание общего имущества. Важно включить в договоры обязательства управляющих организаций по регулярному техническому обслуживанию, ремонту и контролю состояния систем и конструкций общего пользования.

Также может быть введено обязательное страхование рисков, связанных с ущербом от пожара, для собственников и управляющих организаций. Это обеспечит компенсацию в случае возникновения чрезвычайных ситуаций.

Если ущерб возник из-за ненадлежащего выполнения обязанностей одной из сторон, следует предусмотреть возможность подачи регрессного иска к другой стороне. Например, если пожар произошел из-за неисправности оборудования, ответственность может лечь на управляющую компанию. В случае же халатности собственника, он будет обязан возместить ущерб.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16 февраля 2021 г. № 88-КГ20-14-К8, 2-2757/2019 // СПС «Гарант».
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

ЗОЛИН ИВАН ЮРЬЕВИЧ,
адъюнкт адъюнктуры
Уральского юридического института МВД России
E-mail: olzolin2016@yandex.ru

ОБЯЗАННОСТИ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ

В статье исследуется гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего в деле о банкротстве сквозь призму его обязанностей. Особое внимание уделяется определению объёма и содержания этих обязанностей, выходящих за пределы формального перечня, установленного Законом о банкротстве. Автор обосновывает, что условием ответственности служит нарушение «специфических обязанностей», направленных на достижение целей банкротной процедуры и института несостоятельности в целом.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, несостоятельность (банкротство), обязанности арбитражного управляющего, функции ответственности.

ZOLIN IVAN YU.,
Postgraduate student of the adjunct
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

DUTIES OF THE INSOLVENCY PRACTITIONER IN BANKRUPTCY PROCEEDINGS

The article examines the civil liability of the insolvency practitioner in bankruptcy proceedings through the lens of their duties. Special attention is given to defining the scope and content of these duties, which extend beyond the formal list established by the Bankruptcy Law. The author argues that liability arises from the breach of "specific duties" aimed at achieving the objectives of the bankruptcy procedure and the insolvency institution as a whole.

Keywords: civil liability, insolvency (bankruptcy), duties of the insolvency practitioner, functions of liability.

Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего находит своё содержание и границы в соотношении с предоставленными ему полномочиями. Указанные полномочия реализуются не в интересах самого управляющего, а в интересах других субъектов: должника, его кредиторов и общества в целом. Особенность арбитражного управления в деле о банкротстве

состоит в том, что субъектом управления имуществом несостоятельного (предполагаемого несостоятельным) должника является постороннее по отношению к обязательственным отношениям между должником и его кредиторами частное лицо, не приобретающее какого-либо вещного права на управляемое им имущество. В научной литературе отмечается, что деятельность арбитражного управляющего носит доверительный (фидуциарный) характер, обусловленный направленностью его деятельности на удовлетворение чужих интересах [1, с. 234].

Функция гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего в деле о банкротстве состоит в обеспечении имущественных рисков, которые несут участники производства по делу о банкротстве в связи с передачей имущества должника, сохраняющего право собственности на активы, составляющие его конкурсную массу, в ведение незаинтересованного лица, наделенного широкими полномочиями в отношении данного имущества.

Кредиторы должника, являясь основными выгодоприобретателями процедуры несостоятельности (банкротства), вынуждены полагаться на добросовестность и разумность арбитражного управляющего, будучи ограниченными в возможности оказать влияние на принимаемые им решения. Хотя Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (далее – Закон о банкротстве) и предоставляет кредиторам определенный инструментарий для осуществления оперативного контроля за деятельностью арбитражного управляющего (обжалование действий (бездействия) и решений арбитражного управляющего, возбуждение споров об отстранении управляющего от исполнения обязанностей, снижении размера вознаграждения и т. д.), они лишены возможности давать арбитражному управляющему обязательные для исполнения указания и заменять арбитражного управляющего по собственной воле. Не обладает такими полномочиями в производстве по делу о банкротстве и арбитражный суд. Таким образом, гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего является элементом комплексного механизма, обеспечивающего баланс полномочий участников процедуры несостоятельности (бан-

кротства), а его роль в этом механизме обусловлена необходимостью, с одной стороны, компенсировать недостаток контроля за деятельностью арбитражного управляющего со стороны кредиторов (органов кредиторов) и арбитражного суда. С позиции представленного взгляда на идеологические основания гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего следует подойти к характеристике природы такой ответственности.

В отечественной литературе утвердилась позиция, в соответствии с которой ответственность управляющего в деле о банкротстве по абз. 1 п. 4 ст. 20.4 Закона о банкротстве является деликтной [2; 3]. Возникновение деликтного обязательства между его сторонами происходит при отсутствии какой-либо регулятивной связи между ними. В этом состоит основное отличие деликтной ответственности от договорной, предполагающей, что соответствующее охранительное обязательство обусловлено нарушением прав и обязанностей, вытекающих из регулятивного обязательственного правоотношения.

Однако деликтная квалификация ответственности в этом смысле пренебрегает существованием особой правовой связи, которая уже существует между участниками процедуры банкротства и арбитражным управляющим до момента правонарушения. Участники процедуры и арбитражный управляющий наделены взаимными правами и обязанностями по отношению друг к другу. Обязанности арбитражного управляющего существуют в границах той правовой связи, которая формируется между арбитражным управляющим и участниками дела о банкротстве, при этом состав субъектов соответствующего правоотношения конкретизирован в каждой отдельной процедуре банкротства.

Таким образом, можно говорить о том, что ответственность арбитражного управляющего за убытки перед участниками процедуры несостоятельности (банкротства) основывается на особом законном обязательстве. В немецкой литературе описанные рассуждения положены в основу вывода о том, что гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего перед участниками процедуры несостоятельности (банкротства) является особым видом гражданско-правовой ответственности *sui generis* [4, с. 134].

С данных позиций можно по-новому взглянуть на ответственность арбитражного управляющего. В качестве одного из условий привлечения арбитражного управляющего к ответственности за убытки, на основании абз. 1 п. 4 ст. 20.4 Закона о банкротстве, названо неисполнение или ненадлежащее исполнение арбитражным управляющим обязанностей, возложенных на него в деле о банкротстве. В тексте закона о банкротстве мы встречаем несколько форм закрепления обязанностей. Часть из них сформулирована в структуре самостоятельной нормы о правах и обязанностях арбитражного управляющего (ст. 67, п. 2 ст. 99, п. 2 ст. 129 Закона о банкротстве и др.). Некоторые обязанности встречаются в тексте Закона о банкротстве, не будучи перечисленными в указанных выше нормах Закона о банкротстве (п. 1 ст. 89, п. 4 ст. 98, п. 2 ст. 118 Закона о банкротстве и др.). Остальные косвенно сформулированы в тексте закона через обороты «представляет», «предъявляет», «передает» (п. 8 ст. 113, п. 2 ст. 117, п. 5 ст. 129, п. 9, ст. 223.1 Закона о банкротстве и др.). Исчерпывается ли данными обязанностями тот круг обязанностей, за нарушение которых наступает ответственность по абз. 1 п. 4 ст. 20.4 Закона о банкротстве?

В п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве предусмотрена обязанность арбитражного управляющего действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества. Формулирует ли указанная норма самостоятельную обязанность, нарушение которой свидетельствует о противоправности поведения арбитражного управляющего при причинении им убытков участникам дела о банкротстве? Положительный ответ на данный вопрос означает, что любое действие (бездействие) арбитражного управляющего, совершенное (допущенное) в нарушение интересов, указанных в п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве, повлекшее возникновение имущественных потерь на их стороне, повлечет возникновение у арбитражного управляющего обязанности по их компенсации. Очевидно, что данная норма не может быть интерпретирована таким образом, поскольку деятельность арбитражного управляющего в процедуре банкротства в принципе предполагает принятие решений в пользу одних участников процедуры и в ущерб другим. На это указывает и немецкий ученый У. Беккер: «обя-

занность ориентироваться на интересы всех участников процесса не предоставляет четкой программы действий в конфликтных ситуациях. Когда интересы участников процедуры вступают в конфликт, необходимо принять решение о том, каким из интересов следует отдать приоритет» [5, с. 21]. Поэтому указанная норма не может указывать на самостоятельную обязанность, нарушение которой означает наличие противоправности в действиях арбитражного управляющего.

Вместе с тем круг обязанностей арбитражного управляющего не может быть ограничен лишь теми обязанностями, которые формально установлены нормами Закона о банкротстве, прямо предписывающими или запрещающими совершение определенных действий. В противном случае, как отмечает Н. Альтмейер, едва ли можно было бы обосновать, почему бездействие управляющего, например, при неиспользовании принадлежащих ему прав (например, право на оспаривание сделок должника) может считаться нарушением обязанностей, влекущим ответственность [4, с. 251].

Принципиальной в вопросе об определении обязанностей арбитражного управляющего применительно к ответственности по абз. 1 п. 4 ст. 20.4 Закона о банкротстве, по нашему мнению, является их детерминированность специфическими функциями арбитражного управления в механизме правового регулирования несостоятельности (банкротства) как правового средства, направленного на достижение целей конкретных процедур, применяемых в деле о банкротстве, а также цели института несостоятельности в целом. Обязанности арбитражного управляющего, находящиеся в тесной связи с вышеуказанными целями, следует считать «специфическими» обязанностями [6, с. 18; 4, с. 249] арбитражного управляющего как особого субъекта отношений несостоятельности, который наделяется полномочиями по управлению имуществом должника не в собственных интересах, а в интересах широкого круга лиц для достижения целей, преследуемых законодателем при построении механизма правового регулирования несостоятельности (банкротства).

Таким образом, применительно к абз. 1 п. 4 ст. 20.4 Закона о банкротстве под неисполнением или ненадлежащим исполнением арбитражным управляющим возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве необходимо понимать неисполнение (ненадлежащее исполнение) «специфических для дела о банкротстве» обязанностей, сущностным признаком которых является их направленность на достижение целей конкретной процедуры, применяемой в деле о банкротстве, а также генеральной цели института несостоятельности (банкротства) в целом.

Список источников

1. Суворов Е. Д. Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостоятельного должника: дис. ... д-ра. юрид. наук М., 2022. 655 с.
2. Банкротство хозяйствующих субъектов: учебник для бакалавров / отв. ред. И. В. Ершова, Е. Е. Енькова // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru>.
3. Шишмарева Т. П. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и практика его применения: учебное пособие для экзамена по Единой программе подготовки арбитражных управляющих. М.: Статут, 2015 // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru>.
4. Altmeyer N. Insolvenzverwalterhaftung in Deutschland und den USA. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft mbH & CO. KG, 2021. 356 p.
5. Becker U. Insolvenzverwalterhaftung bei Unternehmensfortführung. Tübingen : Mohr Siebeck, 2016. 336 p.
6. Lüke W. Persönliche Haftung des Verwalters in der Insolvenz. Köln: Verlag Kommunikationsforum GmbH, 2015. 184 p.

*КАЗАНЦЕВА ЕКАТЕРИНА ВАЛЕНТИНОВНА,
старший преподаватель кафедры государственных
и гражданско-правовых дисциплин Крымского
филиала Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук
E-mail: kv_kazantseva@mail.ru*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЛЕКАРСТВЕННЫМИ ПРЕПАРАТАМИ, МЕДИЦИНСКИМИ ИЗДЕЛИЯМИ КАК ВИД МЕДИЦИНСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ОВД

В статье рассматриваются особенности обеспечения лекарственными препаратами и медицинскими изделиями как вид медицинского обеспечения сотрудников органов внутренних дел. Автором выявлены недостатки правового регулирования и предложены пути их решения.

Ключевые слова: лекарственные препараты, медицинские изделия, медицинское обеспечение, протезирование, сотрудники, страхование.

*KAZANTSEVA EKATERINA V.,
Senior Lecturer at the Department of State and
Civil Law Disciplines
Crimean Branch of Krasnodar University of the
Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Law*

PROVISION OF MEDICINES AND MEDICAL PRODUCTS AS A TYPE OF MEDICAL SUPPORT FOR POLICE OFFICERS

The article discusses the specifics of providing medicines and medical devices as a type of medical care for employees of law enforcement agencies. The author identifies the shortcomings of legal regulation and suggests ways to solve them.

Keywords: medicines, medical devices, medical care, prosthetics, employees, insurance.

Органы внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД) – специализированный государственный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел страны. Создавая ОВД, законодатель закрепил основные его положения: задачи, компетенцию, систему, организацию деятельности (Указ Президента России от 21.12.2016 № 699). Для реализации основных задач, поставленных перед ОВД, с учетом состояния внутренних дел страны, определена штат-

ная численность сотрудников ОВД и приняты нормативные правовые акты, направленные на реализацию прав и обязанностей сотрудников. На сегодняшний день наблюдается значительный некомплект штатной численности сотрудников ОВД. Экспертами называются различные цифры, которые колеблются от 16 % до 18 % от штатной численности сотрудников ОВД и приводят разные причины некомплекта, среди которых, с учетом тематики нашего исследования, выделим ненадлежащую реализацию социальных прав сотрудников ОВД, несомненно, влияющую на эффективность выполнения личным составом оперативно-служебных задач, что, в свою очередь, приводит к оттоку кадров из МВД России.

Одним из видов социальных гарантий сотрудников ОВД, согласно Федеральному закону от 19.07.2011 № 247-ФЗ, является медицинское обеспечение, в котором нуждается каждый человек, в том числе и сотрудник ОВД. Служебная деятельность сотрудников ОВД связана с большим риском для здоровья, так как они работают со всеми категориями лиц, в том числе и с лицами, болеющими хроническими и (или) опасными для здоровья заболеваниями. От состояния здоровья сотрудника напрямую зависит продуктивность его деятельности и выполнения задач. Следовательно, реализация медицинского обеспечения сотрудников ОВД, должна включать в себя не только действенное правовое регулирование, закрепляющие это право, но и меры, принятые государством по его внедрению и обеспечению исполнения.

Изучая медицинское обеспечение сотрудников ОВД как вид социальных гарантий, закрепленных в Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ, следует отметить, что данное понятие в законодательстве отсутствует. Несомненно, что эту дефиницию необходимо рассматривать через призму понятий «охрана здоровья» и «медицинская помощь». Следовательно, медицинское обеспечение сотрудников ОВД – это комплекс мероприятий, направленных на сохранение и (или) укрепление и (или) восстановление здоровья сотрудников ОВД, оказываемых медицинскими учреждениями системы МВД России, или способст-

вующих реализации медицинской помощи сотрудникам ОВД в медицинских учреждениях, не входящих в систему МВД России.

По мнению некоторых специалистов системы ОВД, медицинское обеспечение сотрудников ОВД включает в себя такие виды, как бесплатная медицинская помощь; медицинские осмотры, в том числе профилактические; медицинское обследование и освидетельствование; диспансерное наблюдение; бесплатное обеспечение лекарственными препаратами; бесплатное обеспечение медицинскими изделиями; бесплатное санаторно-курортное лечение [1]. По нашему мнению, предоставленная классификация, слишком обширная. Считаем, что к видам медицинского обеспечения сотрудников ОВД следует отнести: 1) получение медицинской помощи; 2) обеспечение лекарственными препаратами, медицинскими изделиями, в том числе зубным протезированием; 3) санаторно-курортное лечение и оздоровительный отдых в медицинских организациях.

Особенности предоставления медицинской помощи сотрудникам ОВД нами рассматривалась ранее [2], мы же рассмотрим такой вид, как обеспечение лекарственными препаратами, медицинскими изделиями, в том числе зубным протезированием.

С целью реализации социальных гарантий в сфере оказания медицинской помощи законодатель закрепляет право сотрудников ОВД на бесплатное обеспечение лекарственными препаратами, медицинскими изделиями, в том числе зубным протезированием (ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 19.07.2011 № 247-ФЗ). Под обеспечением лекарственными препаратами сотрудников ОВД следует понимать лекарственную помощь в рамках медицинского обеспечения, которая характеризуется бесплатным предоставлением лекарственных препаратов, необходимых для профилактики и лечения.

Выдача лекарственных препаратов осуществляется фармацевтическими лицензированными аптеками, действующими при федеральных казенных учреждениях здравоохранения МВД России (далее – ФКУЗ МВД России), в соответствии с приказом МВД России от 24.04.2019 № 275. Следует отметить, что вопросу порядка обеспечения сотрудников лекарственными препаратами и

(или) изделиями в указанном приказе уделен лишь абзац, а в ранее действующем приказе анализируемому порядку был посвящен целый раздел, который четче регулировал данную сферу. Руководствуясь указанными выше правовыми актами, а также законодательством в сфер здравоохранения, в ФКУЗ МВД России разрабатывается инструкция, которая включает порядок назначения лекарственных средств установленному кругу лиц, выписки рецептов на них, оформления и хранения рецептурных бланков, в том числе выписывания рецептов на лекарственные средства на льготных условиях, оформления требований в аптечных учреждениях и ФКУЗ МВД России на получение лекарственных средств, отпуска лекарственных средств в аптечных и медицинских учреждениях системы МВД России, а также контроль за обоснованностью назначений лекарственных средств.

С целью изучения мнений сотрудников ОВД о медицинском обеспечении в системе нами было проведено анкетирование, в котором приняли участие 316 респондентов. Исходя из результатов анкетирования, выяснилось, что 36,7 % респондентов пользуются выдаваемыми препаратами, 12 %, хотя и испытывают необходимость в лекарственном обеспечении, но не используют (51,3 % респондентов ответили отрицательно). По нашему мнению, проблема состоит в том, что в медицинские учреждения системы МВД России выделяется строго определенный перечень препаратов. Таким образом, не все сотрудники могут реализовать свое право на получение такого рода помощи, ведь кому-то не подходят лекарственные препараты (к примеру, вызывают аллергические реакции, не оказывают должного эффекта и т. п.), а некоторые препараты и вовсе не поставляются. В итоге сотрудникам приходится приобретать все за свои средства, а государственными гарантиями не предусмотрена процедура выдачи денежных средств в качестве компенсации отсутствия необходимых препаратов. По результатам опроса, многие высказывали недовольство по данной ситуации. Один из опрошиваемых поделился тем, что ранее, по назначению врача, получал лекарственные препараты для диабетиков, но уже более полугода поступлений лекарства не было, и врачи не могут сказать, когда они возобновятся. В

связи с этим 68,4 % респондентов поддерживают идею возмещения в виде денежной компенсации сумм самостоятельно купленных препаратов вследствие их отсутствия в ведомственных учреждениях.

К проблемным и спорным вопросам в обеспечении лекарственными препаратами также следует отнести недостаточность лекарственных препаратов. По нашему мнению, это связано с тем, что их закупка осуществляется на контрактной основе, которая требует, с одной стороны, наличие бюджетных денежных средств, а с другой, – достаточно значительный промежуток времени для заключения контракта (от 45 дней: 30 дней для объявления закупки и минимум 15 дней для заключения контракта). А в большинстве случаев лекарство необходимо сезонно, что приводит к закупке лекарства, использование которого утратило свою актуальность. А закупленные лекарственные препараты могут стать непригодными из-за срока годности, по истечении которого они подлежат утилизации по акту, что, в свою очередь, приносит убытки государству.

Медицинскими изделиями являются любые инструменты, аппараты, приборы, оборудование, материалы и прочие изделия, применяемые в медицинских целях как отдельно, так и в сочетании между собой. Порядок их применения идентичен порядку, предъявляемому к лекарственным препаратам. Основным преимуществом в сравнении с лекарственными препаратами является большой срок годности изделий, однако в связи с быстрыми темпами развития технологий они [изделия] станут менее востребованными.

Что касается зубного протезирования, то оно осуществляется, во-первых, только при наличии специалистов в данной сфере в ФКУЗ МВД России, а во-вторых, проводится только в пределах, предусмотренных правилами в данном ФКУЗ МВД России, видов протезирования.

Подводя итог, отметим, что обеспечение лекарственными препаратами сотрудников ОВД имеет недостатки, в частности, осуществляется выдача только тех препаратов, которые находятся в аптеке в ФКУЗ МВД России, а в случае отсутствия нужного для лечения препарата, его приобретение происходит за личный счет сотрудника без последующего возврата затраченных сумм; закуп-

ка лекарственных препаратов ФКУЗ ОВД осуществляется на контрактной основе в пределах выделенных денежных ассигнований, что является не только длительным процессом, но и не позволяет расширить ассортимент одной группы лечения.

Список источников

1. Вопросы медицинского обеспечения сотрудников органов внутренних дел. URL: <https://53.мвд.рф/document/20397736> (дата обращения: 29.01.2025).

2. Казанцева Е. В. Медицинское страхование сотрудников ОВД: вопросы теории и практики // Четвертый конгресс цивилистов правоохранительных органов: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. с международным участием (Нижний Новгород – Барнаул, 24–25 марта 2022 г.). М.: ООО «Русайнс», 2022. С. 71–78.

КРАВЦОВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА,
*профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
Белгородского юридического института МВД России
имени И. Д. Путилина,
профессор кафедры трудового и предпринимательского права
Юридического института «НИУ БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
E-mail: 543375@mail.ru*

ПОДСЧЕТ И ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

Значительное количество составов преступлений, предусмотренных главой 26 Уголовного кодекса РФ «Экологические преступления» требует от правоохранительных органов доказывания наличия вреда. В статье рассматривается нормативное регулирование подсчета размеров экологического вреда, причиненного неправомерными действиями, а также возможность его возмещения путем подачи гражданских исков в уголовном процессе.

Ключевые слова: экологическое право, возмещение вреда, экологический вред, экологические преступления, экологические правонарушения.

KRAVTSOVA ELENA A.,
*professor of the department of civil-law disciplines
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after I.D. Putinin,
professor of the department of labor and entrepreneurial law
Law Institute "NRU BelSU",
Doctor of Law, Associate Professor*

CALCULATION AND COMPENSATION OF DAMAGE CAUSED BY ENVIRONMENTAL CRIMES

A significant number of crimes provided for in Chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation "Environmental Crimes" require law enforcement agencies to prove the presence of harm. The amount of damage caused allows us to distinguish administrative offenses from crimes with similar compositions. The article examines the regulatory framework for calculating the amount of environmental damage caused by illegal actions, as well as the possibility of its compensation by filing civil claims in criminal proceedings.

Keywords: environmental law, compensation for damage, environmental damage, environmental crimes, environmental violations.

Экологическое право является динамично развивающейся отраслью права, соблюдение нормативных предписаний которой гарантируется возможностью привлечения к юридической ответственности лиц, данные предписания нарушающих. Рассматривая виды ответственности, к которым можно привлечь лицо, совершившее экологическое правонарушение, ученые делят их на традиционные и специальные. К традиционным видам ответственности относят уголовную, административную, дисциплинарную и имущественную ответственность, которые прямо обозначены в ст. 75 Федерального закона «Об охране окружающей среды», к специальным – иные виды ответственности, предусмотренные нормативными актами, регулируемыми экологические отношения. Так, например, Закон РФ «О недрах» содержит такую форму ответственности, как отзыв лицензии у лица, нарушившего правила недропользования (ст. 20), а Лесной кодекс РФ предусматривает возможность расторжения договоров лесопользования с гражданами, которые нарушили правила лесопользования (ст. 24).

Наиболее суровым видом ответственности, к которому можно привлечь лицо, совершившее экологическое правонарушение, является уголовная ответственность, установленная в главе 26 УК РФ. Значительное количество составов преступлений, предусмотренных данной главой, требует от правоохранительных органов доказывания наличия вреда.

Рассматривая трудности привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших экологические преступления, М. В. Максименко выделяет такие проблемы, как неопределенность дефиниций, которые использует законодатель, описывая составы преступлений, наличие в них оценочных понятий, а также отсутствие четких критериев, позволяющих отграничить административные составы правонарушений от уголовных [1, с. 81]. В целом, соглашаясь с высказанной точкой зрения, следует отметить, что основным критерием, традиционно позволяющим отделить преступления от административных правонарушений, является тяжесть последствий, то есть наличие вреда. При этом в настоящее время подсчет вреда, причиненного объектам природы, максимально

упрощен, так как существуют таксы и методики, которые применяются для его подсчета. Наиболее простым способом подсчета является использование такс, которые устанавливают стоимость конкретных объектов природы. Так, например, при привлечении лица к уголовной ответственности по ст. 260 УК РФ «Незаконная рубка лесных насаждений» и отграничения данного состава преступления от состава правонарушения, предусмотренного ст. 8.28 КоАП РФ, необходимо доказать значительный размер ущерба, который, согласно примечанию к указанной статье, составляет более 5000 рублей. При этом согласно таксам, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 29.12.2018 N 1730 [2], при рубке деревьев, чья заготовка древесины не допускается, стоимость 1 кубометра древесины рассчитывается в Республике Адыгее из стоимости 14 562 рубля за кубический метр, в Белгородской области – 12 000 рублей за кубический метр, в Свердловской области – 6238 рублей за кубический метр. То есть фактически, чтобы привлечь лицо к уголовной ответственности в Белгородской области, достаточно чтобы объем срубленных им деревьев в совокупности составил 0,5 кубометра древесины.

При невозможности точного подсчета количества и размеров объектов природного мира, которым причинен ущерб, для определения размера вреда используются методики. Так, если в результате разжигания в лесу костра разгорелся лесной пожар, то точно подсчитать количество деревьев не представляется возможным. И здесь при расчете размера причиненного вреда будет использоваться методика, утвержденная Приказом Рослесхоза от 06.05.2022 N 566 [3], в которой содержатся формулы, на основании которых будет рассчитан примерный размер причиненного вреда, который ляжет в основу обвинения.

В экологическом праве действует принцип полного возмещения вреда, причиненного окружающей среде. При этом, как справедливо отмечает В. И. Ивакин, данный принцип реализуется благодаря возможности при совершении лица экологического правонарушения применять к нему одновременно и уголовную, и гражданскую ответственность [4, с. 222]. Возможность рассмотрения гражданских исков непосредственно в уголовном процессе за-

креплена в УПК РФ (ст.42, 44, 54, 72, 90, 115 и др.). Согласно ст. 44 УПК РФ право на подачу такого иска есть у потерпевшего (его законных представителей) или у прокурора. Других лиц, заявляющих требования о возмещении вреда, причиненного экологическим преступлением, УПК РФ не предусматривает.

Однако подавать иски о возмещении вреда, причиненного экологическим преступлением, можно не только в рамках уголовного судопроизводства, но и подачей гражданского иска в рамках ГПК РФ. При этом, согласно ст. 90 УПК РФ, обстоятельства, установленные приговором суда, будут иметь в гражданском процессе преюдициальное значение.

Список источников

1. Максименко М. В., Петровская В. В. Особенности привлечения к уголовной ответственности за экологические преступления // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2022. № 1 (44). С. 80–87.

2. Постановление Правительства РФ от 29.12.2018 № 1730 (ред. от 18.12.2020) «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Приказ Рослесхоза от 06.05.2022 № 566 «Об утверждении методики расчета показателя «Ущерб лесным насаждениям от лесных пожаров федерального проекта "Сохранение лесов" национального проекта "Экология" и признании утратившим силу приказа Федерального агентства лесного хозяйства от 30 июля 2021 года N 616» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Ивакин В. И. Эколого-процессуальное право как способ реализации новой формы юридической ответственности, направленной на полное возмещение экологического вреда // Право и государство: теория и практика. 2023. № 12 (228). С. 221–223.

КРАСИЛЬНИКОВА ВАРВАРА АЛЕКСАНДРОВНА,
студент Уральского института ГПС МЧС России
E-mail: varrvvarakrasilnikovva@gmail.com

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ АЛИМЕНТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

В статье рассматривается проблема формирования правовых отношений в сфере уплаты алиментов в России. Особое внимание уделяется нормативно-правовым актам, которые регулируют алиментные правоотношения.

Ключевые слова: алиментные обязательства, государство, законодательство, правоотношения.

KRASILNIKOVA VARVARA A.,
*Student of the Ural Institute of GPS of the
Ministry of Emergency Situations of Russia*

THE HISTORY OF THE FORMATION OF ALIMONY RELATIONS

The article examines the formation of legal relations in the field of alimony payments in Russia. Special attention is paid to regulatory legal acts that regulate alimony legal relations.

Keywords: alimony obligations, minors, state, legislation, legal relations.

Формирование правовых отношений в сфере уплаты алиментов имеет глубокие исторические корни, уходящие своими истоками в эпоху Средневековья. Это время, когда общество только начинало осознавать свои права и обязанности, а концепция государства обретала свои очертания. В те далекие времена алиментные отношения не имели четкого законодательного оформления и основывались на устных традициях и обычаях, которые передавались из поколения в поколение. Эти традиции, хотя и были важны для поддержания социальной структуры, не могли обеспечить необходимую защиту прав человека.

С течением времени, по мере развития общества и законодательства, имущественные правоотношения между родителями и детьми стали получать всё более четкое регулирование на уровне закона.

Свод законов Российской империи впервые упорядочил урегулирование алиментных отношений. В законодательстве были закреплены обязанности родителей по обеспечению своих детей всем необходимым: питанием, одеждой и достойным воспитанием и развитием. Кроме того, нашли отражение права и обязанности супругов в контексте материального содержания [1]. Интересно отметить, что данная обязанность в основном возлагалась на мужа. В одной из статей собрания законодательных актов Российской империи подчеркивалось, что муж должен обеспечивать свою жену исходя из «состояния и возможности своей». Таким образом, объем алиментных обязательств, которые муж был обязан выполнять, напрямую зависел от желаний и потребностей женщины.

На протяжении всей истории России законодательная база, регулирующая алиментные отношения, претерпела множество изменений. Эти изменения происходили в соответствии с развитием общества и потребностями его граждан. Советское законодательство, например, адаптировалось к новым условиям жизни людей, чьи права и законные интересы были закреплены в Конституциях СССР 1924, 1936 и 1977 годов. Каждое из этих изменений отражало стремление государства обеспечить защиту прав граждан и создать условия для их полноценной и комфортной жизни.

Современное законодательство России отличается комплексным и многоуровневым подходом к регулированию алиментных правоотношений. На сегодняшний день алиментные обязательства регулируются не только Семейным кодексом Российской Федерации, но и рядом других нормативных правовых актов, принятых в соответствии с Семейным Кодексом РФ [2].

К ним относятся различные законы и постановления, охватывающие нормы гражданского, жилищного, административного и уголовного права. Важную роль в этом контексте играют также нормы международного права, которые помогают формировать законодательную базу РФ в области алиментов.

К числу ключевых документов, определяющих право на получение алиментов, сроки их выплаты и размеры, относятся:

Конвенция ООН «О правах ребенка», которая подчеркивает важность защиты прав несовершеннолетних [3].

Конституция Российской Федерации, закрепляющая основные права граждан [4].

Постановление Правительства РФ «О перечне видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей», которое конкретизирует механизмы удержания алиментов [5].

Разъяснения Верховного Суда РФ, которые помогают уточнять применение законодательства на практике.

Эволюция законодательства в области алиментов отражает не только изменения в правовой системе страны, но и более широкие социальные трансформации, направленные на защиту интересов и обеспечение благополучия в условиях постоянно развивающегося общества.

Кроме того, политика государства также поддерживает семейные ценности и улучшает условия жизни граждан.

Например, Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» выделяет сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей как одно из приоритетных направлений развития государства, что включает активную поддержку семей [6].

А Указом Президента РФ от 22 ноября 2023 года № 875 2024 год объявлен Годом семьи в России [7]. Эта инициатива направлена на сохранение и укрепление института семьи, а также на распространение государственной политики в области защиты традиционных семейных ценностей. В рамках 2024 года было проведено множество мероприятий, включая всероссийские конкурсы, просветительские акции, фестивали и спартакиады, которые повысили значимость института семьи и брака как основополагающих элементов для защиты законных прав и интересов семей.

Таким образом, государство активно поддерживает семьи, создавая условия для их роста и имущественного благополучия членов этих семей.

На основании вышесказанного можно сделать следующий вывод: алиментные обязательства не только остаются важной частью правового поля, но и требуют постоянного внимания со стороны общества и государства для обеспечения стабильности и процветания семейных отношений.

Список источников

1. Свод законов Российской империи. Общее содержание томов IV–IV. URL: <https://civil.consultant.ru/code/>.

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/.

3. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/.

4. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <https://www.consultant.ru/>

5. Постановление Правительства РФ от 02.11.2021 № 1908 «О перечне видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей». URL: <https://www.consultant.ru/>

6. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542>.

7. Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи». URL: <https://www.consultant.ru/>

*ЛИПИН СЕМЁН АЛЕКСЕЕВИЧ,
адъюнкт адъюнктуры
Уральского юридического института МВД России
E-mail: semenlipin38@gmail.com*

РОЛЬ ДОГОВОРА ПРИ ОБРАЩЕНИИ ВЗЫСКАНИЯ НА РЕЗУЛЬТАТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИЛИ СРЕДСТВО ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ

В статье рассматривается сущность перехода исключительного права без заключения договора с правообладателем. Автором делается акцент на роли договора как правового средства реализации принципа свободы договора. Помимо этого, автором дается определение бездоговорного перехода исключительного права при обращении взыскания на результат интеллектуальной деятельности.

Ключевые слова: обращение взыскания, результат интеллектуальной деятельности, средство индивидуализации, переход исключительного права, договор.

*LIPIN SEMYON A.,
Postgraduate student of the adjunct
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

THE ROLE OF THE CONTRACT IN FORECLOSING ON THE RESULT OF INTELLECTUAL ACTIVITY OR A MEANS OF INDIVIDUALIZATION

The article examines the essence of the transfer of an exclusive right without concluding an agreement with the copyright holder. The author focuses on the role of the contract as a legal means of implementing the principle of freedom of contract. In addition, the author defines the non-contractual transfer of an exclusive right when foreclosing on the result of intellectual activity.

Keywords: foreclosure, result of intellectual activity, means of individualization, transfer of exclusive right, contract.

Статьей 1241 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК) [1] РФ установлено, что переход исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации к другому лицу без заключения договора с правообладателем допускается в случаях и по ос-

нованиям, которые установлены законом, в том числе в порядке универсального правопреемства (наследование, реорганизация юридического лица) и при обращении взыскания на имущество правообладателя. При анализе структуры нормы обнаруживается, что одним из важных критериев перехода исключительного права при обращении взыскания на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации является то, что такой переход осуществляется без заключения договора. Какое значение для регулирования гражданских правоотношений имеет договор и в каких целях законодатель опускает данную категорию?

Договором, согласно статье 420 ГК РФ, признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. По утверждению Покровского И. А., договор по своему назначению есть способ регулирования отношений между частными лицами сообразно их индивидуальным интересам и потребностям [2, с. 152]. Договор воплощает собой намерение сторон на определенные юридические последствия. Воля, как один из составляющих элементов договора, является желанием наступления данных последствий, а именно установлением, изменением или прекращением прав и обязанностей. Наличие возможности устанавливать, изменять или прекращать правоотношения посредством договора утверждает действие принципа свободы договора. Свобода договора рассматривается большинством авторов как возможность выбора на собственное усмотрение: возможность решать, заключать договор или нет, возможность выбора контрагента, возможность выбора предмета договора, возможность установления цены договора, возможность установления типа правопреемства (отчуждение либо предоставление исключительного права), возможность установления условий договора и т. д. [3, с. 472; 4, с. 165]. Исключительное право обеспечивает предоставление и передачу результата интеллектуальной деятельности, что, в свою очередь, означает вовлечение последнего в рыночный оборот.

Переход исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации в полном объеме в условиях свободы

договора происходит путем заключения договора об отчуждении исключительного права между правообладателем и правоприобретателем. Правообладатель сознательно отчуждает исключительное право другому лицу и желает наступления юридических последствий в виде прекращения исключительного права у себя и возникновения исключительного права у другого лица. Свобода договора с философской точки зрения мыслится как идея о возможности индивида свободно выражать свою волю в отношении с другим лицом, выступающая в качестве элемента более общей философской категории – свободы личности вообще [5, с. 110].

Передача исключительного права позволяет произвести замену лица, контролирующего нематериальный актив [6, с. 562–612]. При этом, учитывая то, что обращение взыскания на результат интеллектуальной деятельности является мерой принудительной реализации последнего, отчуждение исключительного права позволяет извлечь стоимость из нематериального творческого результата. В свою очередь, извлеченная стоимость идет в счет погашения долга должника по обязательствам.

Таким образом, делается вывод о том, что обращение взыскания на исключительное право без заключения договора с правообладателем представляет собой принудительную форму отчуждения исключительного права в полном объеме. Законодатель, устанавливая бездоговорную конструкцию перехода исключительного права, лишает правообладателя результата интеллектуальной деятельности какой-либо свободы при определении как условий договора, так и вида перехода (полный переход или предоставление права). Особенность данной нормы состоит в том, что законодатель не столько ограничивает действие принципа свободы договора, сколько сознательно отбрасывает его, игнорируя волю правообладателя, которая кардинальным образом может отличаться. Острым также остается вопрос о бездоговорном предоставлении исключительного права, так как результат интеллектуальной деятельности по своей природе может использоваться одновременно неограниченным кругом лиц в отсутствие пространственной локализации (в силу невозможности факти-

ческого владения результатом интеллектуальной деятельности) с одной стороны, а с другой, – правообладатель сохраняет за собой исключительное право на результат интеллектуальной деятельности. Однако, по нашему мнению, четкий ответ на данный вопрос требует как правового, так и экономического обоснования.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая: Федер. Закон: принят Гос. Думой 24 нояб. 2006 г.: по состоянию на 20 марта 2024 г. // СЗ РФ. 2006. № 52, ч. 1, ст. 5496. С. 14803–14949.

2. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2013. 219 с.

3. Гражданское право: учебник. Часть 1. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. Издание второе, переработанное и дополненное. М.: Проспект, 1997. 600 с.

4. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2020. 428 с.

5. Частное право: философские и исторические основания и проблемы современной цивилистической доктрины: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 440 с.

6. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М.: Издательство Юрайт, 2009. 993 с.

МАНСУРОВ ГАФУР ЗАКИРОВИЧ,
*заведующий кафедрой гражданского права
Уральского государственного экономического университета,
доктор юридических наук, доцент
E-mail: mansuroff@yandex.ru*

ЦИФРОВЫЕ АКТИВЫ В ГРАЖДАНСКОМ И УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В статье рассматриваются проблемы юридического толкования понятия «цифровизация». Обращается внимание на специфику понимания данного процесса в гражданском законодательстве – создание цифрового двойника. В этом заключается главное отличие от уголовно-правового понимания – квалификация преступления как цифрового только в том случае, если используются информационно-коммуникационные технологии.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая платформа (блокчейн), «цифровое уголовное право», информационно-коммуникационные технологии.

MANSUROV GAFUR Z.,
*Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Civil Law,
Ural State University of Economics*

DIGITAL ASSETS IN CIVIL AND CRIMINAL LEGISLATION

The article examines the problems of legal interpretation of the concept of "digitalization". Attention is drawn to the specifics of understanding this process in civil law - the creation of a digital twin. This is the main difference from the criminal law understanding - the qualification of a crime as digital only if information and communication technologies are used.

Keywords: digitalization; digital platform (blockchain); "digital criminal law"; information and communication technologies.

Термин «цифровизация» был введен в оборот специалистами по информационным технологиям и обозначает внедрение цифровых технологий в различные сферы жизни для автоматизации и оптимизации процессов. Затем его стали использовать в экономике, но уже в словосочетании «цифровая экономика» (digital economy). Автором данного термина является американский ученый из Массачусетского университета Николас Негропonte. В самом общем виде

под цифровой (виртуальной) экономикой он понимает тотальное использование цифровых технологий.

В настоящее время мы оказались в ситуации тотальной цифровизации: «В современном мире темпы и направления общественного развития в значительной мере определяются процессом цифровизации» [1, с. 11]. Соответственно, понятие «цифровизация», потеряв первоначальное содержание, стало включать в себя практически необъятный круг общественных отношений.

Своеобразным триггером бурного нормотворчества в сфере цифровизации является поручение Президента РФ парламентариям оперативно принять законы, приоритетные для создания правовой среды цифровой экономики. Всё наше законодательство нужно настроить на новую технологическую реальность [2]. Соответственно, на все министерства и ведомства, государственные и муниципальные учреждения и унитарные предприятия была возложена обязанность составления плана цифровизации. В результате, по состоянию на 1.09.2024, термином «цифровизация» обозначают 42 разных понятия, начиная от заправки картриджей и до роботизации машинного доения коров.

Однако согласно технологическому пониманию, цифровизация означает создание цифрового двойника в цифровой платформе (блокчейне). Как указал в связи с этим Президент РФ В. В. Путин: «Пройдет какое-то время, и любой товар будет оцифрован и будет находиться в информационных цифровых платформах» [3]. В настоящее время такое понимание цифровизации есть только в гражданском законодательстве (ст. 141.1 ГК РФ).

Из содержания ст. 141.1 ГК РФ следует, что цифровизация является продолжением тенденции к «дематериализации» объектов гражданского права. Так, например, в разное время наличные деньги превратились в безналичные, ценные бумаги – в бездокументарные ценные бумаги, а золото – в права требования по металлическому счету. Соответственно, цифровые права являются следующим этапом «дематериализации» ценных бумаг.

В настоящее время, согласно гражданскому законодательству, к цифровым активам относятся цифровые деньги (цифровые рубли и цифровая валюта,

именуемая также криптовалютой) и цифровые права, именуемые также токенами (цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права).

Переходя к анализу толкования понятия «цифровизация» в уголовном праве, следует отметить, что в Уголовном кодексе РФ и в судебных актах соответствующего термина нет.

В настоящее время подготовлен проект федерального закона «О внесении изменений в статью 1041 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹, согласно которому цифровая валюта, именуемая ранее криптовалютой, будет приравнена к имуществу.

Любопытно, что рядом авторов обосновывается идея введения понятия «цифрового уголовного права» в следующих значениях: отрасль законодательства, отрасль права, наука, искусственно-интеллектуальный механизм и учебная дисциплина. А цифровое преступление, по мнению представителей данной точки зрения, представляет собой совокупность цифровых алгоритмов реализации преступного деяния [4, с. 128].

Однако подавляющее большинство специалистов по уголовному праву правонарушения в сфере цифровых технологий именуют «компьютерными правонарушениями», «интернет-преступлениями», «информационными правонарушениями» и т. д. Так, по мнению Е. А. Русскевича, под цифровыми понимаются «преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий» [5, с. 5]. Схожие определения содержатся в работах А. С. Периной [6, с. 60–69], А. Г. Волеводза и В. Ф. Васюкова [7, с. 532] и ряда других авторов.

Обобщая вышеизложенное, можно прийти к выводу, что, по мнению специалистов по уголовному праву, цифровизация сводится к интернетизации.

Таким образом, гражданское право и уголовное право в части определения цифровизации развиваются изолированно и применение двух терминов – цифровизация и интернетизация – к одному понятию является нарушением

¹ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/902782-8>.

правила, именуемого бритва Оккама, которое запрещает вводить в научный оборот новые термины для обозначения уже поименованных объектов.

Список источников

1. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды / общ. ред. Н. Н. Черногора, Д. А. Пашенцева. М., 2021.
2. Послание Президента Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г. // СПС «Консультант-плюс».
3. Путин В. В. Нам нужно сохранить набранный темп в экономике. URL: https://www.postkomsg.com/actual_comment/217001.
4. Лебедев С. Я., Джафарли В. Ф. Цифровое уголовное право: монография. М., 2024.
5. Русскевич Е. А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения: монография. М.: ИНФРА-М, 2022.
6. Перина А. С. Цифровые преступления против личности: проблемы юридической техники // Российский юридический журнал. 2023. № 3.
7. Цифровое право: учебник / под ред. Э. Л. Сидоренко. М., 2024.

*МЕЛЬНИК АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ,
курсант международно-правового факультета,
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя,
E-mail: m310as@yandex.ru*

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОГРАНИЧЕНИЯ СУДЕЙСКОГО УСМОТРЕНИЯ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

В настоящей статье рассматриваются правовые средства ограничения дискреционных полномочий судей (судейское усмотрение) в цивилистическом процессе. Автор считает, что пределы усмотрения устанавливаются различными средствами, однако наиболее эффективным является обязанность судьи письменно мотивировать судебное решение.

Ключевые слова: судебское усмотрение, цивилистический процесс, дискреционные полномочия, решение суда, мотивировка.

*MELNIK ALEXANDER S.,
Cadet of the International Law Faculty,
Moscow University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot*

LEGAL MEANS OF LIMITING JUDICIAL DISCRETION IN THE CIVILISTIC PROCEEDINGS

In this article, the legal means of limiting the discretionary powers of judges (judicial discretion) in the civilistic process are considered. The author believes that the limits of discretion are established by various means, but the most effective is the judge's obligation to motivate the judgment in writing.

Keywords: judicial discretion, civilistic process, discretionary powers, court decision, motivation.

Согласно большому толковому словарю русского языка дискреция (от лат. discretio) – это возможность, право или полномочие в условиях неопределённости решать проблемы по собственному усмотрению. В современном отечественном праве дискреционные полномочия получили широкое распространение, так как являются удобным и оперативным средством устранения правовых пробелов и коллизий. В сфере судебного процесса такие полномочия принято называть судебским усмотрением.

Вопрос о пределах судейского усмотрения является наиболее острым в научных трудах, посвященных рассматриваемому явлению. Одни ученые считают, что его наличие в гражданском и арбитражном судопроизводстве недопустимо, другие отстаивают позицию, согласно которой судейское усмотрение – объективная необходимость.

Усмотрение предполагает свободу выбора между несколькими вариантами. Однако такая свобода ограничена по своей природе, поскольку следует из предписаний закона и представляет собой необходимую правовую дозволенность. Никакие полномочия не могут существовать без формы их закрепления и конкретизации статуса должностного лица. Из этого следует, что усмотрение может осуществляться исключительно в пределах полномочий судьи.

Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» не содержит четкого перечня полномочий, обозначая их общей формулировкой «наделенные в конституционном порядке полномочиями осуществлять правосудие». Такой подход, по-видимому, обусловлен конкретизацией полномочий в процессуальных нормативно-правовых актах, то есть в Гражданско-процессуальном и Арбитражно-процессуальном кодексах РФ (далее – ГПК РФ и АПК РФ). Вместе с тем инструментами ограничения дискреционных полномочий судьи являются разъяснения высшей судебной инстанции (Постановления Пленума Верховного суда РФ), обеспечивающие единство в толковании и применении судьями правовых норм.

Однако даже в указанных рамках остается место для широкого судейского усмотрения, поэтому следует исходить из правовых принципов, установленных процессуальным законодательством. Принципы являются универсальными регуляторами поведения участников цивилистического судопроизводства и могут применяться вне зависимости от разновидности процессуальных отношений. Наибольшее значение в рассматриваемом вопросе придается принципу независимости судей, так как если усмотрение судьи зависит от постороннего воздействия, то нельзя говорить о том, что оно отвечает требованию законности, следовательно, не может применяться как средство разрешения спора.

Также важен принцип равенства всех перед законом и судом, поскольку если судья, хотя и без постороннего воздействия, принимает решение по мотиву ущемления кого-либо из участников процесса, то оно не соответствует назначению цивилистического судопроизводства. Нарушение других принципов также делает усмотрение судьи по тому или иному вопросу непригодным. Однако зачастую оно требуется в настолько тонких вопросах, которые предполагают спорность даже с точки зрения принципов. Например, в вопросах определения сроков, устанавливаемых судом, действует принцип разумного срока судопроизводства, тем не менее он не помогает определить судье точное количество дней, недель или лет, которые необходимо установить для исполнения другим участниками судопроизводства возложенной на них обязанности.

По мнению М. С. Шалумова, тема судебсого усмотрения является важной с точки зрения применения, но только в рамках взаимосвязи с понятием «справедливость», с восприятием обществом судебных решений как законно и обоснованно вынесенных [1]. Справедливость – одно из свойств права, которое пронизывает все его элементы без исключения, оно заключается в эквивалентности воздаяния содеянному, то есть совершенные лицом действия должны иметь равные правовые последствия. Однако категория справедливости, как и в любом другом случае, служит лишь правовым ориентиром. Ее содержание изменчиво и зависит от преобладающих в конкретном обществе и историческом периоде мнений. Следовательно, справедливость не является действенным критерием установления пределов судебсого усмотрения, так как обозначает лишь его общие границы.

Согласно ч. 1 ст. 195 ГПК РФ и ч. 1 ст. 170 АПК РФ решение суда должно быть законным и обоснованным. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении» указывается, что решение считается законным, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права. Со-

гласно указанию того же Постановления решение считается обоснованным, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (статьи 55, 59 - 61, 67 ГПК РФ), а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов [2]. По мнению автора, указанные критерии являются принципиальными для судебного усмотрения, так как должны быть мотивированы в судебном решении. Обязательность разъяснения принятых по делу решений является сдерживающим фактором, способствующим недопущению произвола в отправлении правосудия по гражданским делам.

Каждый, кто сталкивался с необходимостью письменного обоснования своих доводов, понимает, что для того чтобы позиция выглядела убедительно, необходима целая система аргументов, которая ко всему прочему может не сработать. Обязанность письменно разъяснить мотивы принятого решения наиболее сложная задача в процессе правоприменения. Однако если судья с ней справляется в должном виде, то это имеет, бесспорно, положительный эффект. Во-первых, судья сам убеждается в правильности своих доводов или обнаруживает ошибки и исправляет их. Во-вторых, допущенные ошибки становятся явными для других лиц и становятся предметом обжалования.

Примечательным для заявленного вопроса является мнение судьи М. Ландау относительно мотивированности решения: «Правосудие, в рамках которого используется усмотрение, ни в коем случае не должно становиться произвольным. Нет наиболее проверенного способа для недопущения этой опасности, как полное разъяснение судебного решения, которое в свою очередь тренирует четкость мышления, а также формирует навык выносить на всеобщее обозрение свои мотивы, включая интуитивные мысли в совокупности с сознательными, чтобы они выдерживали критику в апелляционном суде профессионалов и широкой публики».

Подводя итог, необходимо констатировать, что пределы судейского усмотрения устанавливаются различными средствами, однако главенствующим является обязанность судей мотивировать решения суда.

Список источников

1. Адвокатская газета: офиц. сайт. URL: <https://clck.ru/3C39bk> (дата обращения: 05.03.2025).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 2.

МЕЛЬНИК СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,
*профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
Орловского юридического института МВД России
имени В. В. Лукьянова
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: m809sv@yandex.ru;*

ЗЕНОВКИНА АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА,
*слушатель 2002с учебной группы 5 курса
факультета подготовки следователей
Орловского юридического института МВД России
имени В. В. Лукьянова
E-mail: azenovkina@mail.ru*

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ВИРТУАЛЬНОГО ИГРОВОГО ИМУЩЕСТВА

В статье рассматривается понятие виртуального игрового имущества в контексте современных подходов гражданско-правового регулирования пространства в сети Интернет. Также проанализированы теории о квалификации прав пользователя на него.

Ключевые слова: виртуальное игровое имущество, права пользователя, пробелы законодательства.

MELNIK SERGEY V.,
*Professor of the Department of Civil Law Disciplines
Oryol Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of the Russia named after V. V. Lukyanov
PhD in Law, Associate Professor;*

ZENOVKINA ANASTASIA S.,
*Student 2002s of the 5th year study group
of the faculty of training investigators
Oryol Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of the Russia named after V. V. Lukyanov*

LEGAL NATURE OF VIRTUAL GAME PROPERTY

The article examines the concept of virtual game property in the context of modern approaches to civil law regulation of the space on the Internet, and also analyzes theories about the qualification of user rights to it.

Keywords: virtual game property, user rights, gaps in legislation.

На современном этапе развития общества, сопровождаемого внедрением новых технологий во все сферы жизнедеятельности, возникает необходимость решения соответствующих правовых проблем. Так, в процессе цифровизации появляются объекты имущественного оборота, обладающие экономической ценностью, но не имеющие должного правового регулирования. К одной из подобных категорий следует относить пространство в сети Интернет.

Основными направлениями гражданско-правового регулирования в сети Интернет являются электронная коммерция, защита интеллектуальной собственности, чести, достоинства и деловой репутации. Виртуальные игровые миры остаются за рамками правового поля, поскольку в первую очередь игра воспринимается как развлечение. При этом потенциал государственного правового регулирования игровых миров определяется тремя основными подходами.

Согласно первому или отрицательному подходу виртуальные миры свободны от действия права, а регулирование всех отношений, связанных с виртуальным игровым имуществом, остается за разработчиком игры.

Второй подход представлен правилом «волшебного круга» Б. Дюранске. Согласно данному подходу правоприменители обращаются к законам реального мира только в случае, если события виртуального мира влекут последствия для реального [1, с. 45].

Третий подход вводит виртуальный мир в сферу действия права, оправдывая государственное вмешательство необходимостью защиты интересов пользователей. В контексте многопользовательских онлайн-игр государственное правовое регулирование может быть оправдано защитой слабой стороны (пользователя) в отношениях с разработчиком игры и публичным интересом в налогообложении операций с виртуальным имуществом.

Стоит отметить, что пробел в нормативном правовом регулировании имущественного оборота виртуальных объектов создает почву для нарушения интересов пользователя в обладании игровым атрибутом или в извлечении выгоды от его продажи.

Сам термин «виртуальное имущество» не имеет законодательного определения. Однако его следует рассматривать как разновидность «цифровых объектов», то есть объектов, представленных в цифровой форме [2, с. 12]. Представляется верным утверждение, что любое виртуальное имущество является цифровым объектом, но не любой цифровой объект является виртуальным.

Виртуальное игровое имущество не может рассматриваться исключительно как средство развлечения, если приобретается усилиями пользователя и имеет реальный денежный эквивалент. Виртуальное имущество обладает экономической ценностью и способно обращаться на рынке. При этом коммерциализация виртуального имущества имеет разное обоснование в зависимости от конкретного объекта. Если формирование спроса на доменное имя вызвано уникальностью и неповторимостью объекта, то игровое имущество обладает ценностью, поскольку пользователь прикладывает усилия или тратит реальные деньги на его приобретение.

К виртуальному игровому имуществу относят игровые атрибуты, в том числе оружие, снаряжение персонажа, снадобья, дома в игровом мире, а также аккаунты пользователей. Игровое имущество как разновидность виртуального имущества всегда представлено в цифровой форме и является цифровым объектом. Оборотоспособность виртуального игрового имущества с точки зрения права неоднозначна, поскольку большинство пользовательских соглашений содержит запрет на его продажу, дарение, иное отчуждение [1, с. 47]. Несмотря на наличие запрета, объекты игрового мира приобретают экономическую ценность, поскольку обладают игровой оборотоспособностью и могут быть переданы от одного пользователя другому по правилам игры или посредством передачи логина и пароля.

Что касается прав на виртуальное игровое имущество, то встречаются следующие подходы к их квалификации [3, с. 114]:

1. Вещно-правовая теория. В соответствии с вещно-правовой теорией пользователь обладает абсолютными правами на виртуальное игровое имущество. В связи с нематериальным характером виртуального игрового имущества

пользователь не может осуществлять фактическое (физическое) владение им. Вместе с тем установление режима интеллектуальной собственности для наделения пользователя юридической монополией на виртуальное игровое имущество считается излишним ввиду наличия ограниченного доступа к учетной записи игрока.

2. Теория интеллектуальных прав. Согласно данной теории пользователь приобретает абсолютные права на игровое имущество, в отношении которого устанавливается режим интеллектуальной собственности.

3. Теория оказания услуг (договорная теория). Договорная теория признает за пользователем относительное право требования к разработчику игры о зачислении на его учетную запись виртуального игрового имущества. Заключаемое между пользователем и разработчиком игры соглашение квалифицируется как договор оказания услуг (ст. 779–783.1 ГК РФ). Рассматриваемая теория позволяет применить к отношениям сторон Закон РФ «О защите прав потребителей».

4. Обязательства из «сделок игр и пари» (теория натуральных обязательств). В соответствии с четвертым подходом обязательства по поводу виртуального игрового имущества являются натуральными и не подлежат судебной защите, так как относятся к обязательствам из «сделок игр и пари». С формальной точки зрения данные правила устанавливают одинаковые последствия для всех видов игр, независимо от того, являются они азартными или нет. Вместе с тем судам следует выявлять цели законодательного регулирования до применения правил о натуральных обязательствах к любым видам игр.

Несмотря на наличие «выигрыша» и возможности использования игрового процесса для заработка, обязательства по поводу виртуального имущества многопользовательских онлайн-игр не имеют алеаторной или рискованной природы, поскольку достижение результата (нового уровня, выполнение задания, получение игрового атрибута) всегда зависит от прилагаемых пользователем усилий.

Таким образом, природа виртуального игрового имущества на сегодняшний день законодательно не определена, в связи с чем возникают трудности в процессе правового регулирования как самого виртуального игрового имущества, так и относительно прав пользователей на него.

Список источников

1. Перепелкина Я. А. Виртуальное игровое имущество: перспективы правового регулирования // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020. № 3 (29). С. 44–59.
2. Брэдеску В. Правовая природа «виртуального игрового имущества» и прав пользователя на него // Корпоративный юрист. 2021. С. 11–17.
3. Фатхи В. И. Правовой статус виртуального игрового имущества в контексте гражданско-правового регулирования // CYBERLENINKA. Право. 2022. С. 113–121.

НАЗАРОВА ВИКТОРИЯ АНАТОЛЬЕВНА,
*преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
Уральского юридического института МВД России
E-mail: vika.naz2015@yandex.ru*

ЦИФРОВЫЕ АКТИВЫ В СИСТЕМЕ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА: РОЛЬ НАСЛЕДСТВЕННОГО ДОГОВОРА

В условиях развития цифровых технологий в составе наследственной массы появляются принципиально новые объекты прав – цифровые активы, к которым относятся: цифровые финансовые активы (включая криптовалюты), невзаимозаменяемые токены (NFT), аккаунты в социальных сетях и мессенджерах, доменные имена, а также иные виды цифровых ценностей. Правопреемство указанных объектов в рамках наследственного права сталкивается с рядом существенных проблем, обусловленных отсутствием единообразного нормативного регулирования, особенностями анонимного характера отдельных видов цифровых активов, техническими сложностями обеспечения доступа правопреемников к цифровым активам.

В данном контексте наследственный договор приобретает особую значимость как правовой инструмент, позволяющий обеспечить надлежащее правопреемство в отношении цифровых активов. В представленном исследовании анализируются вопросы включения цифровых активов в состав наследственной массы, особенности правового регулирования наследственного договора как механизма преемства цифровых активов, проблемные аспекты реализации наследственных прав в отношении цифровых ценностей.

Ключевые слова: наследственное право, цифровые активы, наследственный договор, цифровизация.

NAZAROVA VICTORIA A.,
*Lecturer of the Department of Civil Law
Disciplines Ural Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

DIGITAL ASSETS IN THE INHERITANCE LAW SYSTEM: THE ROLE OF THE INHERITANCE CONTRACT

In the context of the development of digital technologies, fundamentally new objects of rights appear in the hereditary mass - digital assets, which include: digital financial assets (including cryptocurrencies), non-interchangeable tokens (NFTs), accounts on social networks and messengers, domain names, as well as other types of digital assets. The succession of these objects within the framework of inheritance law faces a number of significant problems due to the lack of uniform regulatory regulation, the peculiarities of the anonymous nature of certain types of digital assets, and the technical difficulties of ensuring legal successors' access to digital assets.

In this context, the inheritance agreement becomes particularly important as a legal instrument to ensure proper succession in relation to digital assets. The presented study analyzes the issues of the inclusion of digital assets in the inheritance estate, the specifics of the legal regulation of the inheritance contract as a mechanism for the succession of digital assets, problematic aspects of the implementation of inheritance rights in relation to digital assets.

Keywords: inheritance law, digital assets, inheritance agreement, digitalization.

Цифровые активы (криптовалюты, NFT, домены, аккаунты, электронные базы данных и иные цифровые ценности) в настоящее время не имеют прямого законодательного регулирования в качестве объектов наследственного права. Однако, исходя из положений ст. 1112 ГК РФ, они могут быть включены в наследственную массу, если они будут представлять имущественную ценность, могут быть индивидуализированы и их передача технически осуществима.

Сложность передачи цифровых объектов по наследству обусловлена несколькими факторами. К таким, например, может относиться ограничение пользовательского соглашения на оборот объектов, находящихся в цифровом пространстве. Высока вероятность утратить доступ к цифровому активу при отсутствии данных о пароле или приватном ключе, а также к сложностям может относиться прямой запрет сервиса на передачу по наследству цифровых объектов и предложение их мемоализировать или удалить.

На современном этапе развития цифрового общества вопрос о наследовании цифровых активов остается предметом активной научной дискуссии. Проведенный анализ зарубежного законодательства позволяет выделить прогрессивные подходы к решению данной проблемы. В частности, китайский законодатель внес существенные изменения в гражданское законодательство, закрепив возможность наследования интернет-собственности и виртуальных валют (включая криптовалюты). Особый научный интерес представляет расширительное толкование понятия «цифровые активы» в китайской правовой системе, которое включает в себя игровое имущество, внутриигровые виртуальные активы (сюда может относиться игровая валюта), цифровые коллекционные предметы. Такая законодательная практика демонстрирует комплексный под-

ход к регулированию наследования цифровых ценностей различной природы. Российскому законодателю следует учитывать данный опыт при разработке соответствующих норм гражданского права.

Для решения обозначенных проблемных аспектов наследственного правопреемства в законодательстве была введена новая правовая конструкция – наследственный договор (ст. 1140.1 ГК РФ). Значение данного института в системе наследственного права в последние годы неоднократно подчеркивалось как на национальном, так и на международном уровне.

Европейская комиссия в своих рекомендациях отмечала, что договор наследования, существующий в правовых системах ряда стран, представляет собой эффективный механизм обеспечения правопреемства в случае смерти. В современной юридической доктрине прослеживается тенденция к ограничительному толкованию сферы применения наследственного договора, преимущественно связывая его использование с особыми категориями случаев.

Как отмечает в своих исследованиях А. Г. Аникеева, основной каузой наследственного договора выступает обеспечение предпринимательских целей: «Наследодатель-предприниматель стремится гарантировать преемственность осуществляемой деятельности при переходе имущественного комплекса к наследнику». В данном контексте особое значение приобретает возможность для наследодателя определить посмертную судьбу бизнес-активов, обеспечив условия их сохранения и приумножения.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что сфера применения наследственного договора не должна ограничиваться исключительно случаями предпринимательской деятельности. В условиях всеобщей цифровизации особую актуальность приобретают вопросы правопреемства цифровых активов, что требует переосмысления традиционных подходов к наследственному договору.

В контексте наследования криптовалют и иных видов цифрового имущества возникает существенная проблема обеспечения доступа правопреемников к указанным активам. Наследственный договор представляет собой эффектив-

ный правовой механизм, позволяющий решить данную проблему, поскольку предоставляет сторонам возможность детализировать перечень объектов наследственного правопреемства, включая активы в цифровой форме, и установить специальный порядок их передачи (например, предусмотреть нахождение «ключа доступа» в конкретизированной форме).

Данный механизм обладает значительными преимуществами как для наследодателя, так и для наследников. Наследодатель получает гарантии перехода цифровых активов к предусмотренным им правопреемникам, а наследники в свою очередь информируются о наличии и особенностях цифровых активов в составе наследственной массы.

Особую актуальность наследственный договор приобретает в случаях, когда факт наличия цифровых активов известен ограниченному кругу лиц, требуется зафиксировать специфические характеристики цифровых активов или необходимо предусмотреть специальный механизм передачи (например, порядок получения ключей доступа к криптовалютным кошелькам через банковскую ячейку).

Подводя итоги вышесказанному, наследственный договор представляет собой эффективный инструмент регулирования правопреемства цифровых активов, особенно в случаях, когда традиционные конструкции наследственного права не обеспечивают надлежащей защиты интересов сторон. Особое значение данный институт приобретает для активов, правовая природа которых непосредственно связана с процессами цифровизации и не в полной мере урегулирована действующим законодательством.

Список источников

1. Tokajian M. L. China`s Civil Code Will Allow Interitance of Digital in-Game Iterms. Digital technologies and law / M. L. Tokajian. – 2021. – 73 p.
2. Аникеева А. Г. Наследственный договор как способ защиты имущественных и корпоративных прав наследодателя, осуществляющего предпринимательскую деятельность / А. Г. Аникеева // Нотариус. – 2021. – № 4. – С. 23–25.
3. Волос А. А. Волос Е.П., Папылев Д.А. Цифровые вызовы современного наследственного права: монография / А. А. Волос, Е. П., Волос, Д. А Папылев; под общ. ред А. А. Волос. – Москва: Проспект, 2023. – 168 с.

ПАРКОВСКАЯ МАРИЯ ИВАНОВНА,
доцент кафедры процессуального права
Ростовского государственного экономического
университета, кандидат юридических наук
E-mail: Yakulamar@rambler.ru

ВНЕДРЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ СДЕЛКИ

Блокчейн является современным способом хранения данных, который начинает проникать в различные сферы жизнедеятельности общества, в том числе и в регулирование отношений по поводу имущественных и личных неимущественных отношений. В настоящей статье изучены история создания, выявлены дефиниция и составные части данной технологии, раскрыто её нормативно-правовое регулирование и вариации использования.

Ключевые слова: блокчейн, гражданское право, гражданско-правовые сделки, безопасность.

PARKOVSKAYA MARIA I.,
Associate Professor of the Department of Procedural Law
Rostov State University of Economics,
Candidate of Law Sciences

IMPLEMENTATION OF BLOCKCHAIN TECHNOLOGY IN CIVIL LAW TRANSACTIONS

Blockchain is a modern way of storing data, which is beginning to penetrate into various spheres of society, including the regulation of relations regarding property and personal non-property relations. In this article, the history of creation is studied, the definition and components of this technology are revealed, its regulatory and legal regulation and variations of use are disclosed.

Keywords: blockchain, civil law, civil law transactions, security.

После внедрения компьютерных технологий в жизнь человечества невозможно представить людей без доступа в Интернет. Каждый день ученые, в том числе и программисты, работают над интенсивным развитием и улучшением разнообразных цифровых технологий.

В конце XX столетия для предотвращения подделок документов на бумажном носителе американцы Стюарт Хабер и Скотт Сторнетт представили

миру криптографически защищенную цепочку блоков, которая не позволяла вносить изменения в метки хранящихся документов. Позже была создана децентрализованная сеть «peer-to-peer», в которой отсутствовали выделенные серверы, а каждый узел выполнял как функцию сервера, так и клиента. В итоге, в 2008 году Сатоши Накамото представил миру технологию распределенных вычислений и хранения данных децентрализованно. Таким образом, началась эпоха блокчейна.

При обращении к распространенному словарю, можно обнаружить следующее толкование блокчейна (blockchain) – это непрерывная последовательная цепочка блоков с некоторой информацией (хэш-техническая запись в базе данных, содержащая сведения о предыдущих транзакциях, которая может быть доказательством в ходе судебного разбирательства; метка времени-дата и время, данные о транзакциях), построенная и функционирующая по определенным правилам. Несмотря на кажущуюся сложность, блокчейн представляет собой один тип базы данных для записи транзакций, которые копируются на все компьютеры, участвующих в данной сети.

Исходя из чего мы приходим к выводу, что существуют разные подходы к определению блокчейна, а именно его характеризуют как «распределенный реестр», который содержит блоки – фиксированные структуры, сохраняющие полученные данные.

Вышеуказанные структуры состоят из следующих частей:

Заголовок, состоящий из метаданных, включающих в себя исключительный номер ссылки на блок, время его создания и обратная ссылка на предыдущий блок.

Содержание – проверенный список цифровых активов и инструкций, состоящих из совершенных операций, их суммы и адреса сторон используемых транзакций.

Последний блок предоставляет доступ ко всем предыдущим блокам, связанным в цепочку. Таким образом, база данных блокчейна сохраняет полную историю активов, выполненных с первого до крайнего блока, что превращает

данную базу данных в надежный, нерушимый и безопасный реестр, не поддающийся подделке. Именно поэтому на мировом уровне блокчейн признан коррупционно-стойкой системой.

В финансовой сфере блокчейн позволяет каждому владельцу переводить определенную сумму валюты напрямую другой стороне, подключенной к той же сети, без необходимости финансовой организации, выступающей в качестве посредника при совершении любого вида обмена.

К плюсам внедрения блокчейна относят:

- увеличение скорости обмена;
- уменьшение временных затрат;
- улучшение качества и доступности услуг;
- снижение рисков при выполнении операций.

Если обратить внимание на современный рынок, то главной сферой применения блокчейна является криптоиндустрия. Но это неисчерпывающее применение данной технологии, так как получает развитие использование блокчейна и в банковском секторе, на платежных сервисах, в сфере электронного голосования и реестров недвижимости, в транспорте, а также, что немаловажно, в управлении интеллектуальной собственностью.

После вышеизложенного раскрытия распределенного реестра и его положительных сторон, перейдем к рассмотрению внедрения блокчейна в гражданско-правовые сделки. Но прежде всего считаю необходимым рассмотреть развитие российского законодательства в сфере урегулирования цифровой сферы, куда непосредственно относится блокчейн.

Начало было положено в 2017 году изданием Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии Приказа от 15 декабря 2017 г. № 2831 «О создании технического комитета по стандартизации «Программно-аппаратные средства технологий распределенного реестра и блокчейн» [1], в соответствии с которым был создан комитет по стандартизации средств для обеспечения действия рассматриваемой в данной статье технологии. Первое заседание Экспертного совета по цифровой экономике и блокчейн-технологиям

состоялось 28 сентября 2017 года при Комитете Государственной Думы Российской Федерации, определяющего цели и задачи внедрения цепной записи данных и поиски их осуществления. Позже в Гражданский кодекс РФ внесли поправки о цифровых правах, также Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в редакции от 31.07.2020) и Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Проанализировав нормативно-правовое регулирование на территории Российской Федерации, можно прийти к выводу, что технологии блокчейна субъекты законодательной власти уделяют мало внимания, из-за чего пользователям сложно осуществлять и, главное, защищать свои права и законные интересы и, безусловно, исполнять обязанности, связанные с ними.

После приведенного исследования природы блокчейна и его правового регулирования перейдем к изучению реализации блокчейна в гражданско-правовых сделках.

Рассматриваемая технология может применяться в договорах, где объектом являются имущественные и личные неимущественные права (товары, услуги, работы, ценные бумаги, авторские права и т. д.).

Во-первых, смарт-контракты – электронные договоры, исполнение прав и обязательств, осуществляемые путем совершения в автоматическом режиме цифровых транзакций в строго определенной последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств.

Одним из способов заключения данного договора является оформление заявки в электронном виде с использованием электронной подписи во исполнение рамочного договора, заключение на бумажном носителе на входе в блокчейн.

К одним из преимуществ заключения смарт-договоров относится:

– оперативное исполнение условий контракта, включая проведение расчетов и остальных необходимых действий в строгой моментальной последовательности;

– невозможное изменение условий договора сторонами благодаря хранению информации в распределенной сети.

Но, к сожалению, несмотря на перечисленные плюсы, недостатком применения смарт-договоров является отсутствие судебной практики и закрепления правового статуса, приводящее к затруднению решения спорных вопросов, возникающих при нарушении условий заключения или исполнения договоров.

Владимир Демин, председатель фонда ВЭБ, в своем интервью при комментировании технологии блокчейна упоминает об увеличении прозрачности процессов инвестирования и защиту от различных схем мошенничества.

20 мая 2021 года Сбербанк представил созданную блокчейн-платформу, использующую специальные расчётные единицы, взаимодействующую с банком, что позволяет производить расчёты в рублях.

Данная платформа позволяет субъектам выпускать собственные токены и заключать смарт-контракты, при этом сохраняя конфиденциальность информации, хранящейся в транзакциях.

Во-вторых, электронная или машиночитаемая доверенность (МЧД) – электронный файл, распознаваемый автоматически и удостоверяющий наличие полномочий у представителя на совершение действий от имени организации, – передавать отчетность в Федеральную Налоговую службу и другие органы государственной власти и органов местного самоуправления, подписывать документы, заключать сделки. Следует отметить, что данный вид доверенности не требует дополнительного заверения у нотариуса.

Нормативно-правовая база, регулирующая данный сектор в гражданских правоотношениях приведена ниже:

1. Федеральный закон от 27.12.2019 № 476-ФЗ, который внес изменения по ЭП и МЧД в Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи».

2. Федеральный закон от 30.12.2021 № 443-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

3. Постановление Правительства от 21.02.2022 № 222 «Об утверждении Правил представления заинтересованным лицам документа о полномочиях физического лица в случае, предусмотренном частью 2 статьи 17.1 Федерального закона «Об электронной подписи» [6]; № 223 «Об утверждении организационно-технических требований к порядку хранения, использования и отмены доверенностей» [7]; № 224 «Об утверждении требований к нормативным правовым актам федеральных органов исполнительной власти, устанавливающим порядок представления доверенности в предусмотренном пунктом 2 части 1 статьи 17.2 Федерального закона «Об электронной подписи» случае, и требований к порядку представления доверенности в предусмотренном пунктом 2 статьи 17.3 Федерального закона «Об электронной подписи» случае [8].

С 1 января 2023 года машиночитаемые доверенности станут обязательными для подписания уполномоченными представителями электронных документов индивидуальных предпринимателей и юридических лиц.

Александр Александрович Спиричев, адвокат по гражданским делам, прокомментировал систему блокчейн следующим образом: «Вся система строится на публичности, централизованности и согласии участников и отсутствии посредников. Есть один существенный минус – отсутствие контролирующих органов, что оставляет человека или организацию практически беззащитными в случае какого-либо сбоя. Сферы, в которых работает система, весьма обширны...»

Проанализировав вышесказанное, делается вывод, что блокчейн является развивающейся на протяжении пятнадцати лет на мировом уровне и официально не более пяти-семи лет на территории России технологией, не в полном объеме зарекомендовавшей себя на российском финансовом рынке, без развитой нормативно-правовой системы, но в то же время довольно перспективной цифровой сферой для применения не только в рамках гражданско-правовых сделок, но и в сфере криптовалюты, банковского дела, кибербезопасности, а также удо-

стоверения личности, то есть создания цифрового профиля, и защиты авторских прав.

Список источников

1. Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 15 декабря 2017 г. № 2831 «О создании технического комитета по стандартизации «Программно-аппаратные средства технологий распределенного реестра и блокчейн». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71735486/>.

2. Постановление Правительства РФ от 21.02.2022 № 222 «Об утверждении Правил представления заинтересованным лицам документа о полномочиях физического лица в случае, предусмотренном частью 2 статьи 17.1 Федерального закона «Об электронной подписи». URL: <https://www.consultant.ru/>

3. Постановление Правительства РФ от 21.02.2022 № 223 «Об утверждении организационно-технических требований к порядку хранения, использования и отмены доверенностей». URL: <https://www.consultant.ru/>

4. Постановление Правительства РФ от 21.02.2022 № 224 «Об утверждении требований к нормативным правовым актам федеральных органов исполнительной власти, устанавливающим порядок представления доверенности в предусмотренном пунктом 2 части 1 статьи 17.2 Федерального закона «Об электронной подписи» случае, и требований к порядку представления доверенности в предусмотренном пунктом 2 статьи 17.3 Федерального закона «Об электронной подписи» случае. URL: <https://www.consultant.ru/>

ПЕРЕТОЛЧИН АРТЕМ ПАВЛОВИЧ,
*доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Восточно-Сибирского института МВД России,
кандидат юридических наук,
E-mail: peretart@gmail.com*

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье анализируются правовые аспекты внедрения цифрового рубля в финансовую систему Российской Федерации. Рассматриваются законодательные инициативы Банка России, особенности правовой природы и правового регулирования цифрового рубля, а также ключевые проблемы обеспечения эффективного функционирования нового объекта гражданских прав.

Ключевые слова: цифровой рубль, объект гражданских прав, Банк России, денежные средства, безналичные денежные средства, цифровая валюта.

PERETOLCHIN ARTEM P.,
*Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines
of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences,*

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF THE DIGITAL RUBLE IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article analyzes the legal aspects of the digital ruble's integration into the financial system of the Russian Federation. It examines legislative initiatives by the Bank of Russia, specifics of the digital ruble's legal nature and regulation, as well as key challenges in ensuring the effective functioning of this new subject of civil rights.

Keywords: digital ruble, object of civil rights, Bank of Russia, funds, non-cash funds, digital currency.

Развитие цифровых технологий и глобальный тренд на цифровизацию финансовых систем обусловили появление центральных банковских цифровых валют (CBDC), среди которых цифровой рубль занимает ключевое место в стратегии модернизации финансовой инфраструктуры России [1, с. 150].

Внедрение цифрового рубля как объекта гражданских прав требует комплексного анализа его правовой природы, регуляторных механизмов

и параметров взаимодействия с действующими нормами гражданского и финансового законодательства.

При этом само по себе внимание законодателя к новой форме денежных средств представляется весьма оправданным и соответствующим духу времени. Статистические данные отчетливо свидетельствуют о том, что в настоящее время наличные денежные средства стремительно теряют свою актуальность. Так, доля безналичных платежей в торговом обороте Российской Федерации за последние 5 лет увеличилась на 16,3 % и составляет по состоянию на 1 января 2025 года 71,1 % [2]. То есть из десяти транзакций только три осуществляются не в безналичной форме.

Вопрос о развитии иных форм реализации платежей не только на территории Российской Федерации, но и для международных расчетов [3, с. 204] приобрел серьезную актуальность в условиях постоянного санкционного давления на страну. В связи с чем представители органов исполнительной власти обратили свое внимание на новые востребованные технологии, к которым относятся цифровые валюты и цифровые финансовые активы (далее – ЦФА).

В октябре 2020 года Центральный банк Российской Федерации (далее – ЦБ РФ) представил консультационный доклад, в котором впервые на официальном уровне использовалась дефиниция цифрового рубля. Это событие инициировало широкое обсуждение среди граждан и специалистов, касающееся правовой и экономической природы новой формы валюты. В тоже время, несмотря на представленные в настоящее время подробные комментарии и разъяснения, некоторые аспекты по-прежнему остаются предметом дискуссий и требуют дальнейшего анализа.

Первое, на что стоит обратить внимание, что цифровой рубль по сути своей не является цифровой валютой в ее каноническом, юридическом и криптографическом понимании. В соответствии с Федеральным законом от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ о ЦФА), под цифровой валютой понимается содержащаяся в

определенной системе (как правило, блокчейне) совокупность электронных данных, которая не является денежной единицей Российской Федерации или какого-либо другого государства, но может быть использована в качестве средства платежа или в качестве инвестиций. При этом особо отмечено, что в отношении криптовалюты отсутствует эмитент или какое-либо обязанное лицо, за исключением лиц, занимающихся обслуживанием и сопровождением работы системы, в которой функционирует цифровая валюта. Таким образом, фактически цифровая валюта представляет собой находящийся за пределами контроля государственных и иных властных структур финансовый инструмент, обеспечиваемый самими участниками информационной системы. Классическими примерами цифровых валют является Биткоин и Эфириум. При этом на территории Российской Федерации единственным законным средством платежа является рубль, что фактически исключает признание цифровых валют в качестве платежного инструмента.

В то же время, согласно концепции ЦБ РФ, цифровой рубль представляет собой государственную цифровую валюту – электронную форму национальной валюты Российской Федерации, эмитируемую исключительно Банком России и обладающую статусом законного платежного средства наряду с наличными и безналичными рублями. В отличие от криптовалют и иных цифровых финансовых активов, цифровой рубль является прямым продолжением рублевой системы, предназначенной для упрощения и ускорения расчетных операций с использованием современных информационных технологий. Цифровой рубль хранится на цифровых кошельках, открываемых на платформе ЦБ РФ. Доступ к данным кошелькам пользователи получают через мобильные приложения и системы интернет-банкинга обслуживающих их кредитных организаций.

В 2023 году в условиях активной работы по регулированию цифровых финансовых технологий и активного поиска альтернативных платежных инструментов Центральный банк РФ уточнил, что цифровой рубль представляет собой не только эффективное средство для проведения финансовых операций, но

также предмет тщательного правового контроля и регистрации. Указанные подходы нашли свое отражение и в законодательных изменениях.

Согласно Федеральному закону от 24 июля 2023 года № 339-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» цифровой рубль был признан законным платежным средством на территории Российской Федерации наряду с наличными и безналичными денежными средствами. В соответствии со ст. 4 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» цифровой рубль выступает обязательством Банка России. Кроме того, в указанный закон в 2023 году внесена глава XII. 2., нормативно закрепляющая порядок организации и обеспечения функционирования платформы цифрового рубля, отнесенной также к ведению ЦБ РФ.

Эмиссия цифрового рубля осуществляется Банком России в рамках пилотного проекта, запущенного в 2023 году с участием 13 коммерческих банков. Основная цель эксперимента – оценка технической и правовой эффективности функционирования платформы цифрового рубля, выявление операционных рисков и обеспечение безопасности проводимых транзакций. Хранение цифрового рубля организовано посредством специализированных электронных кошельков, доступ к которым получают физические и юридические лица, а также участники платформы, прошедшие процедуру идентификации через Единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА).

В целях минимизации операционных рисков установлены определенные ограничения. Так, на данный момент лимит на пополнение электронного кошелька цифрового рубля составляет 300 000 рублей в месяц. Кроме того, цифровой рубль не может быть использован для открытия вкладов, а также для получения кредитов, займов и ипотечных кредитов, что исключает его применение в рамках традиционных банковских операций.

Кроме того, стоит отметить, что поскольку цифровой рубль является еще одной разновидностью формы существования рубля, соответственно, он имеет номинальную стоимость, эквивалентную одному рублю.

Для интеграции цифрового рубля в экономическую систему Российской Федерации были внесены и другие изменения в ряд ключевых законодательных актов, включая Федеральный закон от 02.12.90 № 395-1 «О банках и банковской деятельности», Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» и др. Статьи 128, 140, 845 и 861 Гражданского кодекса РФ получили нормативное закрепление расчетов с использованием цифровых рублевых единиц.

С 1 января 2025 году вступили в силу изменения в Налоговый кодекс Российской Федерации, в соответствии с которыми установлено понятие счета цифрового рубля как счета, открытого оператором платформы цифрового рубля на основании договора счета цифрового рубля. Установлена возможность взыскания задолженности с налогоплательщика (налогового агента) за счет его цифровых рублей при недостаточности или отсутствии денежных средств на счетах налогоплательщика. Кроме этого, изменениями предусмотрен порядок налогообложения операций со счетом цифрового рубля, аналогичный порядку совершения операций с банковским счетом, и другие новшества [4].

Таким образом, цифровой рубль обладает следующими основными характеристиками:

Эмиссия осуществляется исключительно Банком России.

Статус – является законным платежным средством, обязательным к принятию на территории Российской Федерации.

Форма существования – цифровая запись на платформе цифрового рубля.

Обменный курс – 1:1 к рублю в наличной и безналичной форме.

Использование – предназначен для расчетов, но не может быть использован для открытия вкладов или предоставления кредитов.

По последним заявлениям ЦБ РФ, масштабное внедрение цифрового рубля планируется в 2025 году, при условии успешного завершения пилотного проекта и устранения выявленных проблем. Внедрение цифрового рубля явля-

ется важным шагом в модернизации национальной платежной инфраструктуры, требующим комплексного подхода с учетом экономических, правовых и технологических аспектов.

Одним из приоритетных направлений при внедрении цифрового рубля является обеспечение информационной безопасности и защита персональных данных пользователей. Несмотря на применение современных криптографических технологий и систем контроля доступа, остаются потенциальные риски несанкционированного доступа и кибератак [5, с. 11]. В этой связи Банком России и профильными регуляторами разрабатываются меры постоянного мониторинга, совершенствования систем защиты и унификации форм совершения сделок с цифровым рублем.

Таким образом, правовое регулирование цифрового рубля в Российской Федерации представляет собой многоуровневый процесс, направленный на создание гибкой и защищенной системы электронных платежей, интегрированной в существующую финансовую систему, что способствует повышению эффективности расчетов в цифровую эпоху.

Список источников

1. Куницына Н. Н., Дюдикова Е. И. Цифровой рубль или рубль в цифровой среде: перспективы институциональных перемен // Вопросы экономики. 2021. № 9. С. 149–160.
2. Доля безналичных платежей в торговом обороте. URL: <https://sberindex.ru/ru/dashboards/dolya-beznala>.
3. Рудых А. А., Хомколов В. П. Цифровой рубль: перспективный инструмент противодействия преступности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 4 (111). С. 202–211.
4. Федеральный закон от 19.12.2023 № 610-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» // СПС «Консультант-Плюс».
5. Баттахов П. П., Овчинникова Ю. С. Цифровой рубль и правовые режимы конфиденциальной информации // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. 2024. № 4 (36). С. 7–13.

СВАЛОВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА,
*доцент кафедры гражданского права
Уральского государственного экономического университета,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: svalovanat@mail.ru*

НАСЛЕДОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ПРАВ И ИНЫХ ЦИФРОВЫХ ОБЪЕКТОВ

В статье автор анализирует правовое регулирование наследования «цифровых прав» и иных цифровых объектов. В результате приходит к выводу, что гражданское законодательство требует совершенствования и актуализации норм права. А именно, законодательно закрепить место цифровых объектов в системе объектов гражданских прав и выработать порядок включения данных объектов в наследство.

Ключевые слова: цифровые права, цифровые объекты, наследование, передача прав, цифровое имущество.

SVALOVA NATALIA A.,
*Associate Professor of the Department of Civil Law
Ural State University of Economics
Candidate of Law, Associate Professor*

INHERITANCE OF DIGITAL RIGHTS AND OTHER DIGITAL OBJECTS

In the article, the author analyzes the legal regulation of inheritance of "digital rights" and other digital objects. As a result, it comes to the conclusion that civil legislation requires improvement and updating of legal norms. Namely, to legislate the place of digital objects in the system of objects of civil rights and to work out the procedure for including these objects in the inheritance.

Keywords: digital rights, digital objects, inheritance, transfer of rights, digital property.

С активным развитием и внедрением цифровых технологий в жизнь человека и общества особое внимание уделяется цифровым правам, которые с 2019 года легально определяются и закрепляются в статье 141.1 ГК РФ. Следует отметить, что указанная норма не отвечает критериям формальной определенности и поэтому не может обеспечить адекватной реальной действительности разрешения споров в данной области. Так как «цифровыми» права могут стать

только при условии, если они отвечают формальным признакам, указанным в ГК РФ, а именно должны быть названы в качестве цифровых в законе и должны приобретаться, осуществляться и отчуждаться на информационной платформе. Таким образом, многочисленные цифровые объекты (онлайн-игры, аккаунты социальных сетей и т. п.) не подпадают под понятие «цифровых прав», а при разрешении споров суд данные объекты относит к имущественным правам. О. Г. Бельдина и С. Н. Бурлака от прочих цифровых продуктов отграничивают NFT-токены и фиксируют, что на сегодня оборот данных объектов недостаточно урегулирован законодательством [1].

Важно отметить, что постепенное развитие института цифровых прав и иных цифровых объектов приводит к вопросу об их наследовании, поскольку данный процесс на сегодняшний день не имеет нормативного закрепления и определённого правового механизма правопреемства, хотя, «цифровые объекты» могут обладать определёнными материальными ценностями.

В законодательстве не установлено понятие и перечень «цифровых объектов» наследственного правопреемства. Исходя из всего вышеперечисленного, имеется пробел в законодательстве, который необходимо ликвидировать, поскольку роль цифровых объектов в нашей жизни повышается ввиду развития различных цифровых систем и сервисов, аккаунтов в социальных сетях, криптовалюты, цифровых активов и т. д.

Стоит отметить, что законодатель даёт лишь общую характеристику цифровых прав. В статье 141.1 ГК РФ обозначено, что к цифровым правам относятся обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. На сегодня к таковым относятся утилитарные цифровые права в соответствии с Федеральным законом от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ об инвестиционных платформах) и цифровые финансовые активы в соответствии с Федеральным законом от 31

июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ о цифровых финансовых активах).

Исходя из анализа названных нормативно-правовых актов, цифровые права условно связаны с определенным «имуществом»: обязательственными и иными правами. Особое внимание при понимании «цифрового имущества» как объекта наследования необходимо уделять пониманию и разграничению «цифрового и виртуального объекта», поскольку многие цивилисты на сегодняшний день не разграничивают эти понятия, а закон не регламентирует этот вопрос, однако термины абсолютно разные [2]. «Виртуальный» – объект, реализуемый посредством и в рамках только компьютерных условий, то есть абсолютно не имеющий реального эквивалента, неосязаемый ни при каких условиях, например, аккаунты в социальных сетях, арт-объекты, аватары, доменные имена и т. д. [3]. А цифровой, в свою очередь, это понятие связано с числовым выражением определенных объектов и действий, зачастую как-то существующих в реальности, то есть имеет аналоговую форму. Например, электронные полисы, цифровые платежи, электронные кошельки и т. д. При регулировании отношений, связанных с наследованием, законодателю необходимо учитывать данную разницу во избежание противоречивого применения норм.

Сегодня существует множество интернет-площадок, где реализуется купля-продажа, например, игровых вещей внутри многопользовательской сетевой игры за реальные деньги, как например Dota 2. Стоит отметить, что приобретенные игроком вещи, которые порой могут превышать сумму 50 тыс. рублей, принадлежат владельцу аккаунта. Он имеет право, как приобретать вещи в официальном магазине игры и на торговой площадке у других игроков, так и продавать, обменивать, дарить эти же вещи на той самой торговой площадке, но по личной договорённости. Исходя из всего указанного, такие вещи можно отнести к категории «виртуального имущества». Однако в случае невозврата переданных в пользование другим игрокам вещей конкретного механизма восстановления нарушенного права владельца, как, например, направление винди-

кационного иска в реальности в рамках игрового пространства не установлено, а случаи возврата вещей единичны. Похожая ситуация складывается при наследовании, где законодателем еще не установлена юридическая процедура принятия виртуального имущества наследодателя наследником и последующая реализация путем распоряжения данным виртуальным имуществом [4].

Еще одним актуальным цифровым активом на сегодняшний день являются аккаунты в социальных сетях. Сегодня зачастую бизнес-аккаунт в сети может приносить владельцу немалые деньги и быть единственным источником дохода, а в случае его смерти неизвестно, является ли это наследственной массой и как «осуществить принятие» [5]. До сих пор правовой позиции касательно того, является ли бизнес-аккаунт или аккаунт продавца на маркетплейсе объектом наследования, нет. Федеральная нотариальная палата отмечает, что наследственное законодательство нуждается в доработке, однако сама ФНП заявляет, что на сегодняшний день обладает необходимыми техническими средствами для совершения действий в цифровой среде [6].

В отношении частного регулирования наследования цифровых объектов внутри систем особого внимания заслуживает установленная компанией Apple возможность принятия наследником учетной записи Apple ID умершего наследодателя. Данная процедура схожа с завещанием, где владелец сам выбирает «цифрового наследника», которому передается ключ доступа от вашей учетной записи. После смерти владельца наследнику необходимо будет предъявить ключ и свидетельство о смерти владельца, после рассмотрения заявления органами компании наследнику предоставляется доступ к учётной записи, но только на три года, а после аккаунт удаляется. Важно отметить, что данная процедура не предполагает переход права собственности на аккаунт наследнику, а лишь даёт возможность воспользоваться различными файлами умершего [7].

Интересным зарубежным примером регулирования наследования аккаунта является Решение Верховного суда Германии от 12 июля 2018 года [8]. В рамках дела истица требовала предоставления доступа к аккаунту умершей несовершеннолетней дочери на правах наследницы. По решению суда родителям

было передано право доступа к учётной записи наследодателя исходя из принципа универсального правопреемства. При этом ВС Германии обозначил следующее: во-первых, нельзя ограничивать пользовательским соглашением право наследования аккаунта, поскольку это несправедливо применительно к наследственным отношениям, во-вторых, права и обязанности умершего должны в полном объеме переходить к наследнику, как имеющие личную и имущественную ценность для этого лица.

Российская судебная практика сталкивается с вопросом наследования цифровых объектов. Так, например, Судебная коллегия апелляционного суда не согласилась с решением суда первой инстанции об отказе выдачи свидетельства о праве на наследство на спорные доменные имена, администратором которых являлся наследодатель. Отказ мотивирован тем, что доменные имена не относятся к имущественным правам. В свою очередь Московский городской суд отметил, что, исходя из норм законодательства, право администрирования доменным именем принадлежит его пользователю (администратору), который вправе реализовать его по собственному усмотрению без согласования с регистратором.

Следовательно, право администрирования доменного имени признаётся имущественным правом, имеющим денежную стоимость и участвующим в обороте, а значит, входит в состав наследственного имущества [9].

Стоит отметить, на сегодняшний день законодатель постепенно регулирует вопросы перехода цифровых прав от умершего лица наследникам. Например, согласно части 2 статьи 6 ФЗ о цифровых финансовых активах, переход активов от умершего владельца к наследнику должен удостоверяться соответствующей записью в информационной системе на основании свидетельства о праве на наследство.

Таким образом, гражданское законодательство требует совершенствования и актуализации норм права. А именно законодательно закрепить место цифровых объектов в системе объектов гражданских прав и выработать порядок включения данных объектов в наследство.

Список источников

1. Бельдина О. Г., Бурлака С. Н. NFT-токен: проблемы правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2023. № 11 (227). С. 288–290. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=55317487> (дата обращения: 02.02.2025).
2. Габов А. В., Савельев А., Новоселова Л. А. [и др.] Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. 2019. № 5. С.31–54.
3. Тумаков А. В. Гражданско-правовые аспекты цифрового имущества // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovye-aspekty-tsifrovogo-imuschestva> (дата обращения: 01.02.2025).
4. Мигачева А. Ю. Наследование интернет аккаунтов: опыт регулирования в зарубежных странах // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasledovanie-internet-akkauntov-opyt-regulirovaniya-v-zarubezhnyh-stranah> (дата обращения: 01.02.2025).
5. Иванов В. Возможно ли наследование аккаунта на маркетплейсе? URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/vozmozhno-li-nasledovanie-akkaunta-na-marketpleyse/> (дата обращения: 01.02.2025).
6. Порядок наследования цифровых активов: мнение экспертов нотариата. Федеральная нотариальная палата. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/> (дата обращения: 01.02.2025).
7. Как добавить цифрового наследника для вашего идентификатора Apple ID. URL: <https://support.apple.com/ru-ru/102631> (дата обращения: 01.02.2025).
8. Решение Верховного суда Германии от 12 июля 2018 г. III ZR 183/17. URL: <http://juris.bundesgerichtshof.de/> (дата обращения: 01.02.2025).
9. Апелляционное определение Московского городского суда от 28.09.2022 по делу № 33-38299/2022. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.02.2025).

*ТАРАСОВ ПАВЕЛ АНАТОЛЬЕВИЧ,
адъюнкт научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь
E-mail: TarasovPavel2022@yandex.ru*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ОБЩЕДОСТУПНЫХ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

В статье рассматриваются отдельные аспекты гражданско-правовой защиты общедоступных персональных данных. Выявлена необходимость соблюдения баланса между правом граждан на неприкосновенность частной жизни и интересами иных субъектов, наделенных правом на получение общедоступных сведений. Внесены предложения по совершенствованию законодательства Республики Беларусь.

Ключевые слова: информация, нематериальные блага, открытый доступ, объект гражданских правоотношений, персональные данные, физические лица.

*TARASOV PAVEL A.,
Postgraduate student
of the Scientific and Pedagogical Faculty
of the Academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Republic of Belarus*

SOME ISSUES OF PROTECTION OF PUBLICLY AVAILABLE PERSONAL DATA AS AN OBJECT OF CIVIL LEGAL RELATIONS

The article deals with certain aspects of civil law protection of publicly available personal data. The necessity to maintain a balance between the right of citizens to privacy and the interests of other subjects entitled to receive publicly available information is revealed. Proposals to improve the legislation of the Republic of Belarus are made.

Keywords: information, intangible goods, open access, object of civil legal relations, personal data, natural persons.

Сегодня страны-участницы Евразийского экономического союза (ЕАЭС) переживают стремительный рост информационно-коммуникационных технологий, оказывающих влияние на трансформацию различных сфер жизнедеятельности общества. В таких условиях информация, представленная в виде различ-

ных сведений или данных, справедливо занимает особое место среди современных объектов гражданских правоотношений.

Одной из разновидностей информации, принадлежащей субъектам, являются персональные данные. Проблемные вопросы, связанные с их правовой защитой, становились предметом научного интереса таких правоведов, как А. И. Бычков, А. А. Гаев, А. В. Минбалеев, Е. Б. Подузова, В. Д. Рузанова, В. И. Солдатова, Н. А. Швед и др. Отечественными и зарубежными учеными рассматривались различные аспекты, связанные с защитой персональных данных (понятие, виды, субъекты, условия, особенности и т. д.), в том числе и специальных персональных данных. Вместе с тем без должного внимания остались проблемные вопросы, касающиеся правовой защиты общедоступных персональных. Попытка их неправомерного использования создает угрозу нарушение субъективных гражданских прав физических лиц, чем обусловлена актуальность рассматриваемой темы.

Анализ гражданского законодательства стран-участниц ЕАЭС показывает, что персональные данные не имеют непосредственного закрепления среди объектов гражданских прав. Не перечисляются они также и среди нематериальных благ, однако сами «являются по своей правовой природе нематериальным благом, обращенным в форму воспринятой информации, согласие на использование которой предоставлено владельцем личного неимущественного права» [1, с. 55]. Являясь одной из их разновидностей, общедоступные персональные данные, по сути, представляют собой нематериальные блага, принадлежащие конкретному физическому лицу, и, следовательно, объект гражданских правоотношений, доступный для других.

В одних случаях, «такая информация может использоваться ее получателями свободно, по своему усмотрению, если только для ее использования не установлены специальные ограничения» [2, с. 6]. В других, – использование персональных данных субъектов без их согласия является прямым вмешательством в частную жизнь физических лиц. В связи с этим необходимость соблюдения баланса между интересами личности, обладающей правом на неприкос-

новенность частной жизни, и интересами иных субъектов, наделенных правом на получение общедоступных сведений, является наиболее значимым аспектом гражданско-правового регулирования общественных отношений в исследуемой сфере.

Частичным решением данной проблемы является совершенствование законодательства, регламентирующего защиту персональных данных. В разное время соответствующие нормативные правовые акты были приняты в Российской Федерации (2006 г.), Кыргызской Республике (2008 г.), Республике Казахстан (2013 г.), Республике Армения (2015 г.) и Республике Беларусь (2021 г.). Действие таких законодательных актов направлено на обеспечение защиты персональных данных, а также прав и свобод граждан при их обработке. Они позволяют идентифицировать гражданина и, оказавшись в открытом доступе (например при опубликовании в Интернете), могут нарушить его приватность. При размещении в незащищенном настройками конфиденциальности аккаунте сведений о себе субъект сам переводит их в разряд общедоступных. В связи с этим возникает проблема защиты таких персональных данных, в случае их неправомерного использования.

Сведения, самостоятельно опубликованные гражданином в Интернете, однозначно не могут охраняться в режиме личной или семейной тайны. Вместе с тем их использование затрагивает неприкосновенность частной жизни субъекта. В связи с этим неопределенным становится правовой режим общедоступных персональных данных, размещенных самим субъектом. В соответствии со ст. 10 Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. «О защите персональных данных» (далее – Закон о защите персональных данных) их субъект может в любое время без объяснения причин отозвать свое согласие на их обработку в установленной форме. В то же время ст. 8 названного законодательного акта не требует согласия на обработку специальных персональных данных при условии, что они сделаны общедоступными самим субъектом [3]. Е. Б. Подузова отмечает, что «на практике допускается совершение согласия на обработку персональных данных в форме конклюдентных действий» [4, с. 92]. По нашему

мнению, имеющаяся в законе норма подразумевает определенную «презумпцию согласия», то есть действия лица, добровольно разместившего свои персональные данные в общем доступе, по сути, и являются согласием на их обработку. Однако такие сведения оказываются в пользовании неограниченного числа лиц и их распространение, а также использование фактически становится бесконтрольным. Отзыв такого согласия представляется затруднительным. Таким образом, нормы, имеющиеся в белорусском законодательстве, не гарантируют защиту персональных данных рассматриваемого вида.

Несмотря на то, что гражданин самостоятельно переводит свои персональные данные в разряд общедоступных, он должен иметь право на их удаление, а также возможность его реализации. Названное право является относительно новым для юридической науки. Оно носит название «право на забвение» и представляется как «реальная возможность личности требовать удаления своих персональных данных из виртуальной среды» [5, с. 103]. В России, Армении, Казахстане и Киргизии такое право в отношении общедоступных персональных данных предусмотрено законодательно. Вместе с тем сложности могут возникнуть с механизмом реализации данного права. С целью отзыва своего согласия, предоставленного действиями в виде размещения информации в открытом доступе, субъект может обратиться к конкретному оператору и заявить о необходимости прекращения обработки персональных данных и их удаления. Однако такое обращение не дает уверенности в том, что они будут изъяты из всех ресурсов.

В качестве одного из путей решения данного проблемного вопроса видится внесение изменений в действующее белорусское законодательство. В частности, Закон о защите персональных данных целесообразно дополнить нормой, в соответствии с которой отзыв согласия субъекта названных правоотношений должен распространяться как на операторов, так и на иных уполномоченных лиц (государственные органы, физических и юридических лиц, иные организации), а также третьих лиц, независимо от того, в чьих интересах и от чьего имени осуществляется обработка таких данных. Кроме того, представля-

ется необходимым обязать операторов и иных лиц, занимающихся обработкой персональных данных, предоставлять информацию о тех субъектах, которым передавались общедоступные персональные данные, независимо от того, могут ли они быть получены путем доступа к информационному ресурсу (системе) в Интернете.

Немаловажным вопросом проблемного характера в рассматриваемой сфере является отсутствие разграничения между теми персональными данными, которые стали общедоступными по инициативе владеющего ими субъекта, и теми, которые оказались в общем доступе в результате несанкционированного доступа к ним. В результате утечки таких сведений страдают законные интересы их владельца, так как в этом случае «применение государственных санкций является практически неосуществимым, поскольку в гражданско-правовых спорах, как правило, возникает проблема доказывания» [6, с. 104]. Утечка и последующее неправомерное распространение таких сведений создает проблему их дальнейшей обработки. В ст. 6 Закона о защите персональных данных установлены нормы, в соответствии с которыми согласие субъекта на их обработку не требуется. Одна из них действует «в отношении распространенных ранее персональных данных до момента заявления субъектом персональных данных требований о прекращении обработки распространенных персональных данных» [3]. Тем самым можно предположить, что сведения о частной жизни, оказавшиеся в общем доступе без ведома их владельца, могут быть использованы операторами и иными лицами, уполномоченными на обработку персональных данных, до тех пор, пока субъект не подаст заявление о прекращении указанных действий.

Таким образом, представляется необходимым законодательное разграничение «общедоступных персональных данных, полученных правомерным путем» и «оказавшихся в открытом доступе в результате неправомерных действий», а также введение запрета на обработку последних путем внесения соответствующих изменений и дополнений в действующее законодательство. На наш взгляд, эти меры позволят уменьшить вероятность злоупотребления в ис-

пользовании общедоступных персональных данных операторами и иными лицами, осуществляющими их обработку.

По итогам исследования отдельных вопросов защиты общедоступных персональных данных как объекта гражданских правоотношений представляется целесообразным сделать следующие выводы:

1) приоритетным направлением гражданско-правового регулирования общественных отношений в сфере защиты персональных данных является установление баланса между правом на получение общедоступных сведений и правом на неприкосновенность частной жизни физических лиц;

2) с целью устранения проблемных аспектов, связанных с гражданско-правовой защитой персональных данных субъектов, предлагается внести дополнения в действующее белорусское законодательство. В частности, в Законе о защите персональных данных необходимо:

– установить норму, в соответствии с которой отзыв согласия субъекта должен распространяться как на операторов, так и на иных уполномоченных лиц, в том числе третьих лиц, независимо от того, от чьего имени и в чьих интересах и осуществляется обработка таких данных;

– обязать операторов и иных лиц, занимающихся обработкой персональных данных, предоставлять информацию о тех субъектах, которым передавались общедоступные персональные данные, независимо от того, могут ли они быть получены путем доступа к информационному ресурсу (системе) в глобальной сети Интернет;

– разграничить «общедоступные персональные данные, полученные правомерным путем» и «оказавшиеся в открытом доступе в результате правомерных действий».

Список источников

1. Аксёнов Д. И. Соотношение нематериальных благ и персональных данных // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2024. № 4. С. 51-57. URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/2164>.

2. Быкова А. Г., Петрова Ю. Г. Право граждан на доступ к информации // Вестник Омской юридической академии. 2013. № 1. С. 4–7.

3. О защите персональных данных: Закон Республики Беларусь, 7 мая 2021 г., № 99-З (в ред. от 01.06.2022) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Бела-русь. Минск, 2024.

4. Подузова Е. Б. Персональные данные пациента и его законного представителя: специфика электронного предоставления в контексте применения технологий «искусственного интеллекта» в digital-медицине // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 4. С. 86–92.

5. Остапович И. Ю., Шахновская И. В. Право на забвение в контексте развития концепции цифрового суверенитета личности // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки. 2024. № 4. С. 100–103.

6. Иванова А. П. Утечка персональных данных: большая проблема в цифровую эпоху // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2020. № 4. С. 100–107.

ТРЯПОЧКИН НИКИТА АНДРЕЕВИЧ,
*доцент кафедры предпринимательского права
Уральского государственного экономического университета,
кандидат юридических наук
E-mail: nick109usla@gmail.com*

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ СТАТЬИ 65 В РАМКАХ ГЛАВЫ 22 КОДЕКСА АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РФ

Механизм функционирования института признания фактов, независимо от того, к какому процессуальному законодательству обращаться, не лишен очевидных дефектов. Кодекс административного судопроизводства, хотя и считается «продвинутым» процессуальным законом, однако никак не разрешает вопросов о применимости обозначенного института в отношении споров физических лиц с органами Министерства внутренних дел.

Ключевые слова: судопроизводство, МВД, признание, физические лица.

ТРЯПОЧКИН НИКИТА А.,
*Associate Professor of the Department of Entrepreneurial Law
Ural State University of Economics,
Candidate of Legal Sciences*

ON THE ISSUE OF APPLICATION OF ARTICLE 65 WITHIN THE FRAMEWORK OF CHAPTER 22 OF THE CODE OF ADMINISTRATIVE PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The mechanism of functioning of the institute of admission, regardless of which procedural legislation to refer to, is not without obvious defects. The Code of Administrative Procedure, although considered as the "advanced" procedural law, however, does not resolve issues on the applicability of the said institute in relation to disputes between individuals and the bodies of the Ministry of Internal Affairs.

Keywords: legal proceedings, Ministry of Internal Affairs, admission, individuals.

Деятельность любого судебного органа, будь то суд общей юрисдикции или уголовный суд, направлена на сокращение процессуальных издержек.

Одним из «механизмов», содействующих достижению заданной цели, выступает институт признания фактов (далее – судебное признание),

предусмотренный ч. 1 ст. 65 Кодекса административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ). В целом последний представляет из себя «заявленное в предусмотренной законом форме одной из сторон (третьим лицом, судебным представителем) согласие с утверждением другой стороны (третьего лица, судебного представителя), выраженное в виде подтверждения (простого или с оговоркой) действительности отдельного обстоятельства, подлинности средства доказывания или правовой квалификации определенных обстоятельств (правоотношений), адресованное суду, компетентному рассматривать данный спор, влекущее за собой, в случае принятия его судом, освобождение заявителя утверждения от обязанности дальнейшего доказывания информации, в нем содержащейся, возможность отмены которого допускается при наличии дефектов воли или волеизъявления» [1, с. 59].

Сразу же заметим, что одним из специальных видов судебных признаний (многостороннего) КАС РФ называет соглашение по обстоятельствам дела (ч. 2 ст. 65). Это фактически та же обозначенная выше конструкция, за исключением того, что в отношении группы фактов об их истинном характере в предусмотренной законом форме (письменной) сообщают сразу несколько участников судебной процедуры [1, с. 64–66].

Проблема здесь следующая: насколько верно утверждать, что конструкции, закрепленные в ст. 65 КАС РФ полноценно соотносятся с нормами главы 22 КАС РФ, регулирующей споры с органами государственной власти и, в частности, Министерством внутренних дел РФ (далее – МВД РФ)?

Обращаясь к сущности судебных признаний необходимо помнить:

Прокуратура и органы государственной власти, по общему правилу, не могут заявлять признание в силу того, что не имеют материально-правового интереса [2, с. 74].

Избранная законодателем методика составления норм КАС РФ свидетельствует о том, что при формулировании содержания ст. 65 последний руководствовался положениями распорядительной теории понимания природы судебных признаний. Отсюда последнее является актом распоряжения воли,

адресованной суду, с целью освобождения процессуального оппонента доказывать исследуемый в настоящий момент факт. И лишь когда суд установит наличие пороков воли или волеизъявления в заявленном признании, он сможет его отклонить. Во всех остальных случаях суд обязан его принять [3, с. 198].

Соглашение по обстоятельствам дела, как было сказано ранее, представляет собой многостороннее признание, когда процессуальные оппоненты в письменной форме определяют для себя и суда ту группу фактов, которые отныне считаются истинными.

Применим сказанное к главе 22 КАС РФ.

Во-первых, МВД РФ по данной категории дел будет иметь материально-правовой интерес. Все его оспариваемые действия и бездействия могут привести к тому, что истцу будет выплачена компенсация. Поэтому, думается, возможность заявлять о признании фактов, например, в отношении обращения гражданина (будущего истца) и его общения с конкретным сотрудником МВД РФ, у представителя последнего, отстаивающего интересы Министерства в суде, должна быть.

Во-вторых, логично предположить, что соглашение по обстоятельствам дела тяжущиеся заключать также могут как одновременно с подачей искового заявления, так и непосредственно в ходе судебного разбирательства. Важно отметить, что момент обращения к суду с просьбой рассмотреть проект соглашения также важен. Разумно полагать, что суд должен насторожиться, если в процессе будет складываться ситуация, когда ранее опровергнутые одной из сторон спора факты вдруг станут предметом проекта соглашения по обстоятельствам дела. Тем самым кажется верным утверждать, что последний может быть заключен лишь в отношении тех фактов, которые еще не были предметом исследования со стороны суда. Иначе суд будет вынужден потратить время на установление пороков воли или волеизъявления в словах той стороны спора, которая резко изменила свою позицию.

Кроме того, возможно следует вновь заявить о необходимости выделения в отдельную категорию еще одного вида судебного признания – заявленного с

корыстным мотивом. Пример выше как раз свидетельствует о том, что путем заключения соглашения по обстоятельствам можно попытаться «увести» суд в сторону от исследования конкретной группы ваших с процессуальным оппонентом отношений, предшествующих возникшему конфликту. Негативный эффект, очевидно, не является качественной характеристикой судебных признаний. В случае выше, если суд отнесется халатно к установлению обозначенных пороков, эффект для заявителя такого признания будет исключительно позитивным.

Однако, как бы складно не выглядели наши рассуждения, не совсем понятно, как можно реализовать сказанное в контексте четкого распределения бремени доказывания, определенного в ч. 11 ст. 226 КАС РФ.

Бремя доказывания нарушенных прав, а также соблюдения сроков обращения в суд возложено на истца. Доказывать же соблюдение требований к издаваемым НПА и соответствие оспариваемых решений действующим НПА более высокого уровня необходимо представителю органа власти. Отсюда видится правильным полагать, что и признания фактов, если можно так выразиться, в объеме охватываемых им обстоятельств должно быть для тяжущихся ограничено. Таким образом, неясно, что делать суду, когда, подобно приведенному ранее примеру, представитель органа вдруг заявит признание какого-то факта из «сферы» доказывания истца. Отказать в принятии суд не может, так как ст. 65 КАС РФ такого основания в себе не содержит. Принять его, думается, тоже не совсем логично, ведь бремя доказывания лежит на процессуальном оппоненте – истце. Даже суд в данном случае не может его перекладывать и определять самостоятельно – все четко прописано в законе. То же самое и с соглашением по фактическим обстоятельствам дела. Получается, что оно в целом не может использоваться по данной категории дел, так как подразумевает обоюдное согласие в отношении группы фактов, что, согласно правилу о бремени доказывания, невозможно по главе 22 в целом.

Таким образом, подводя итог рассуждениям, отметим следующее:

Заявлять признание фактов, применительно к КАС РФ и главе 22 в частности, органы государственной власти (в том числе МВД РФ) могут.

Тем не менее заявлять его можно лишь в отношении конкретной группы фактов, отведенных к доказыванию конкретной стороне спора (правило о распределении бремени доказывания).

Заключение соглашения по обстоятельствам дела, хотя и выглядит, как весьма перспективная конструкция, но реализована она быть не может.

Список источников

1. Тряпочкин Н. А. Судебное признание в цивилистическом процессе: теоретические проблемы: монография. М.: Статут, 2024. 122 с.

2. Юдельсон К. С. Судебное признание как основание освобождения от доказывания в советском гражданском процессе: методические материалы. М., 1948. Вып. 2. С. 62–78.

3. Гольмстен А. Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. 5-е изд., исп. и доп. СПб.: Типография М. Меркушева, 1913. 411 с.

ФЕДОСЕЕВ ПЕТР СЕРГЕЕВИЧ,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: civilp@yandex.ru

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье намечаются основные методы, применяемые в антикоррупционной государственной политике, в институтах частного права, например, в нормах Гражданского кодекса Российской Федерации. Автор утверждает, что антикоррупционным потенциалом обладают как концептуальные положения ГК РФ, например, принцип добросовестности, так и межотраслевые институты гражданского права, в частности, сделки, которые могут содержать конфликт интересов.

Ключевые слова: борьба с коррупцией, сделки, добросовестность участников гражданских правоотношений, антикоррупционные меры.

FEDOSEEV PETER S.,
Associate Professor of the Department civil law disciplines
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor

ON SOME ISSUES OF PRIVATE LAW REGULATION OF ANTI-CORRUPTION ACTIVITIES IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article outlines the main methods used in anti-corruption public policy, applied in private law institutions, for example, in the norms of the Civil Code of the Russian Federation. The author argues that both the conceptual provisions of the Civil Code of the Russian Federation, for example, the principle of good faith, and intersectoral institutions of civil law, in particular, transactions that may contain a conflict of interest, have anti-corruption potential.

Keywords: fight against corruption, transactions, integrity of participants in civil law relations, anti-corruption measures.

Частноправовые меры борьбы с коррупцией отличаются от публично-правовых тем, что они преследуют цель недопущения приобретения незакон-

ных прав, вещных в отношении имущества и обязательственных в отношении действий других лиц, основанных на противоправном использовании преимущественного положения в связи с исполнением должностных обязанностей.

По нашему мнению, условно гражданско-правовые меры борьбы с коррупцией, содержащиеся в ГК РФ, можно разделить на превентивные или перспективные и ретроспективные, то есть имеющие характер санкций, наступающих за совершенное коррупционное правонарушение.

Проявлением перспективного действия на потенциально коррупциогенные правоотношения, по нашему мнению, следует признать установление в законодательстве концептуальных принципов, создающих фундамент противодействия нормами правовой отрасли любым действиям, могущим иметь коррупционные последствия. В соответствии с принципом добросовестности, провозглашенном в статье 1 ГК РФ, участники гражданских правоотношений, независимо от их должностного или имущественного положения, должны действовать добросовестно. Под добросовестностью, среди прочего, понимается и невозможность извлекать выгоду из своего преимущественного положения, в том числе и посредством недобросовестной конкуренции [1].

Добросовестность участников гражданских правоотношений является гарантией от использования господствующего положения при заключении гражданско-правовых договоров, стороной которых выступает публично-правовое образование. Недобросовестное использование гражданско-правовых механизмов заключения договоров, стороной которых является государственный или муниципальный орган власти, либо учрежденные ими организации влечет за собой нарушение основных принципов гражданско-правового регулирования – равенства участников регулируемых ГК РФ отношений и невозможности извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения.

Добросовестность участия в гражданском обороте предполагает равенство правовых статусов его субъектов. Статья 1 ГК РФ содержит довольно абстрактный принцип равенства участников правоотношений, регулируемых ГК РФ. Полагаем, что указанный принцип детализируется актами публичного за-

конодательства, например, статьей 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [2].

Защита добросовестности участия в гражданском обороте достигается путем запрета участия государственным служащим в управлении коммерческими и некоммерческими организациями, а также запрета заниматься предпринимательской деятельностью.

Нормы ГК РФ не содержат прямого указания на незаконность сделок, совершенных с коррупционной заинтересованностью. На наш взгляд, причины такого подхода законодателя заключаются в следующем: во-первых, термин «коррупция», очевидно, не рассматривается как гражданско-правовой, поэтому в нормах о договоре дарения он не упоминается, но из формулировок статьи 575 ГК РФ явно следует коррупциогенность регулируемой ей сделок; во-вторых, заинтересованность как конститутивный элемент коррупционных действий в статье 1 ГК РФ указывается в качестве основного мотива участия в гражданских правоотношениях. С учетом презюмируемой добросовестности участия в гражданских правоотношениях, противоправную заинтересованность в совершаемой сделке следует доказать в судебном порядке либо по результатам уголовного преследования, сделка признается коррупционной и ничтожной по этой причине.

Исследователи аргументируют возможность использования в регулировании гражданских правоотношений такого института, как «конфликт интересов» [3, с. 31]. Бесспорно, сделки, совершаемые в явном противоречии с интересами юридического лица, но приносящие доход субъекту, управляющему организацией, с точки зрения антикоррупционного законодательства следует признавать коррупционными. В то же время ГК РФ оперирует другими категориями при регулировании сделок. Так, если сделка будет признана судом нарушающей требования закона, иного правового акта либо признана мнимой или притворной, то она считается ничтожной, то есть не породившей иных последствий, кроме связанных с ее ничтожностью. ГК РФ устанавливает абстрактное правило о том, что противоправность цели сделки может повлечь за собой ее

недействительность, конкретизация противоправности в нормах гражданского кодекса не требуется, поскольку деяний, имеющих форму сделки, но незаконное содержание, существует довольно много.

Полагаем, что ГК РФ в случае с именуемыми В. И. Малкиной коррупционными сделками занимает позицию закона, нормы которого применяются в том случае, если необходимо привести правоотношение в положение, в котором оно существовало до нарушения. Очевидно, что не все сделки, признанные коррупционными, могут повлечь уголовную ответственность, поэтому приведение сторон в первоначальное положение возможно путем применения норм ГК РФ.

Следует учесть, что ГК РФ использует общую формулировку «сделки, противоречащие основам правопорядка и нравственности» как основание признания их недействительными. Оценочный характер признака противоречия правопорядку и нравственности послужил причиной обращения к определению Конституционного Суда России за разъяснением содержания этих понятий [4]. По мнению Конституционного Суда, незаконность такой сделки возникает в том случае, если ее результат не просто не соответствует закону, а противоречит ему, то есть сделка совершалась именно как противоправная. В связи с этим необходимо определить, что являлось целью такой сделки и в чем противоречие цели, ее последствий нравственности и правопорядку. Таким образом, предполагается установление того обстоятельства, что сделка совершена не просто лицом, обладающим положением, могущим быть использованным для коррупционных сделок, но и того факта, что внутренний (воля) или внешний элемент содержания сделки (волеизъявление) противоправен вследствие коррупционного злоупотребления. В таком случае применение односторонней реституции или обращения имущества в доход государства, как того требует Конвенция, было бы оправданной антикоррупционной мерой.

Полагаем, что сделки, которые рядом авторов (В. И. Малкиной, К. Г. Токаревой) именуется как коррупционные и, по мнению указанных авторов, должны быть закреплены в ГК РФ как разновидности ничтожных сделок не мо-

гут рассматриваться в качестве института гражданского права. Мы поддерживаем мнение о том, что коррупция – многоуровневый феномен, может проявляться в различных правоотношениях. Вместе с тем нам представляется, что преследование коррупционеров посредством последствий, предусмотренных для ничтожных сделок, то есть путем применения односторонней реституции возможно, но исключительно в качестве меры дополнительной ответственности совместно с уголовной или административной.

Список источников

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 5.

2. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 3. Ст. 3215.

3. Малкина В. И. Влияние конфликта интересов на институты гражданского права // Юрист. 2020. № 7. С. 31–37.

4. Определение Конституционного Суда РФ от 08.06.2004 № 226-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества "Уфимский нефтеперерабатывающий завод" на нарушение конституционных прав и свобод статьей 169 Гражданского кодекса Российской Федерации и абзацем третьим пункта 11 статьи 7 Закона Российской Федерации "О налоговых органах Российской Федерации"». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&vkart=card&nd=102090846&rdk=&link_id=5 (дата обращения: 11.02.2025).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Батурина Н. И.</i> Гражданско-правовые механизмы противодействия коррупции	4
<i>Белецкий Д. А.</i> О некоторых проблемах совершенствования законодательства в целях противодействия коррупции	9
<i>Белугин К. В.</i> Нарушение авторских прав на маркетплейсах: правовые аспекты и способы защиты	13
<i>Беляев А. А.</i> Проблемы и недостатки патентного права в современных реалиях	19
<i>Боярский Д. А.</i> Взаимодействие гражданской и административной ответственности за нарушение законодательства о защите персональных данных	23
<i>Быкова Е. Г.</i> О возможности привлечения к ответственности за хищение имущества хозяйственного общества его директора, являющегося единственным участником (акционером)	29
<i>Быстрова Ю. В., Быстрова Е. Е.</i> Приоритетные направления поддержки детей, оставшихся без попечения родителей	33
<i>Вакула И. М., Парковская М. И.</i> Совершенствование методологических основ организации управления земельными ресурсами	37
<i>Волкова А. Ю., Амочкина Е. П.</i> Юридическая оценка возможности освобождения медицинских работников от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к ст. 238 УК РФ	42
<i>Головизнин А. В., Махмутова А. З.</i> Правовой режим осуществления предпринимательской деятельности в особых экономических зонах	46
<i>Дегтярев С. Л.</i> Примирение сторон как задача подготовки дела к судебному разбирательству	53
<i>Дорошенкова Т. Е.</i> Цифровизация принудительного исполнения: основные проблемы и перспективы развития	60
<i>Жильцова В. С.</i> Гражданско-правовая ответственность за ущерб, причиненный пожаром, возникшим вследствие ненадлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме: проблемы разграничения ответственности управляющих организаций и собственников	65
<i>Золин И. Ю.</i> Обязанности арбитражного управляющего в деле о банкротстве	71
<i>Казанцева Е. В.</i> Обеспечение лекарственными препаратами, медицинскими изделиями как вид медицинского обеспечения сотрудников ОВД	77
<i>Кравцова Е. А.</i> Подсчет и возмещение вреда, причиненного экологическими преступлениями	83
<i>Красильникова В. А.</i> История становления алиментных правоотношений	87
<i>Липин С. А.</i> Роль договора при обращении взыскания на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации	91

<i>Мансуров Г. З.</i> Цифровые активы в гражданском и уголовном законодательстве	95
<i>Мельник А. С.</i> Правовые средства ограничения судебного усмотрения в цивилистическом процессе	99
<i>Мельник С. В., Зеновкина А. С.</i> Правовая природа виртуального игрового имущества	104
<i>Назарова В. А.</i> Цифровые активы в системе наследственного права: роль наследственного договора	109
<i>Парковская М. И.</i> Внедрение технологии блокчейн в гражданско-правовые сделки	113
<i>Перетолчин А. П.</i> Особенности правового регулирования цифрового рубля в Российской Федерации	120
<i>Свалова Н. А.</i> Наследование цифровых прав и иных цифровых объектов	126
<i>Тарасов П. А.</i> Некоторые вопросы защиты общедоступных персональных данных как объекта гражданских правоотношений	132
<i>Тряпочкин Н. А.</i> К вопросу о применении статьи 65 в рамках главы 22 Кодекса административного судопроизводства РФ	139
<i>Федосеев П. С.</i> О некоторых вопросах частноправового регулирования антикоррупционной деятельности в законодательстве Российской Федерации	144

БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА,
ОБЩЕСТВА И ЛИЧНОСТИ В НОРМАХ
ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА

*Сборник материалов
Международной научно-практической конференции*

Электронное издание

Редактура, компьютерная верстка *Л. А. Мельниковой*

Заказ № 39

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел
Уральского юридического института МВД России

620057, Екатеринбург, ул. Корепина, 66